

ПУШКИН НА ПОДСТУПАХ К ПОЭМЕ «КАВКАЗ» И В РАБОТЕ НАД НЕЮ

(К ИСТОРИИ ЗАПОЛНЕНИЯ ТЕТРАДИ ПД 830)¹

Записная книжка ПД 830 (по прежнему шифру ПБЛ 42), хронологически вторая в ряду рабочих тетрадей Пушкина, использованная с 15 июня 1820 до (предположительно) начала ноября 1823 г., была ему подарена с многозначительным эпиграфом-пожеланием на л. 1:

Epigraphe

Que de beaux chants je méditais encore!
Ma Gloire à peine atteignait son aurore.²

Под этими строками Пушкин написал ступенькою дату и место, возможно, получения тетради и определенно начала в ней работы:

¹ Описание внешнего вида тетради и ее полистное содержание выполнялись и опубликованы дважды: Рукописи Пушкина в собрании Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде / Сост. Л. Б. Модзалевский. Л., 1929. С. 19-24; Пушкин А. С. Рабочие тетради. СПб.; Лондон, 1995. Т.1. С. 46-57 (исп. Т. И. Краснобородько; в дальнейшем сокращенно: Раб. тетр. — с указанием страницы).

² Пер.: Эпиграф. Сколько я задумывал еще прекрасных песен! Была только самая ранняя заря моей Славы. — По-видимому, это строки из какого-то неустановленного французского стихотворения. Впервые опубликован: Бонди С. М. «Если с нежной красотой»: (Новое альбомное стихотворение Пушкина) // Бонди С. М. Новые страницы Пушкина: Стихи, проза, письма. М., 1931. С. 74. Чернила, которыми написано слово «Epigraphe», несколько отличаются от чернил в следующих под ним двух стихотворных строках. Первые имеют сероватый оттенок, вторые — бледно-коричневый.

1820

15 июня.

Кавказ.

Получившийся асимметричный столбик, Пушкин отчеркнул с правой стороны, начав линию сверху между цифрами «2» и «0», закруглив ее вправо над «0» и затем проведя по косой справа налево до пересечения с продолжением мысленной вертикали, проходящей через «1» и «К». Эта черта отделяет хронологическую запись от нарисованного карандашом чуть-чуть ниже, в самом центре страницы неидентифицированного женского профиля. Если умозрительно сдвинуть в столбце вторую и третью строки вправо точно под первую, они окажутся над самую голову, и очень к ней близко. Не исключена вероятность того, что Пушкин сдвинул их влево, желая сохранить нетронутой всю центральную на листе область рисунка, который, как из этого следует (если верно исходное предположение), уже находился на странице и мог быть выполнен как дарителем альбома до его вручения, так и самим поэтом. В обоих случаях карандашный портрет должен был иметь некий личный, интимный смысл и для того, кто подарил альбом, и для того, кто стал его обладателем, служить второму напоминанием о живом оригинале этого изображения. В кавказском окружении Пушкина только одно лицо может претендовать на его подобное особое внимание, именно — юная Мария Раевская, бывшая, согласно получившей долгое и широкое признание гипотезе П. Е. Щеголева, «мучительным и таинственным предметом любви Пушкина на юге в 1820 и следующих годах».³ Даже если на Кавказе (а может быть, и вообще никогда) чувство не развилось до такой глубины, как представлялось ученому, со стороны поэта велась игра во влюбленность, о чем на склоне лет вспоминала сама М. Н. Волконская.⁴ Одним из проявлений этого безобидного и, конечно же, обоюдного флирта

³ Утаенная любовь Пушкина / Сост., подгот. текста и примеч. Р. В. Иезуитовой, Я. Л. Левкович. СПб., 1997. С. 146.

⁴ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников / Сост. и примеч. В. Э. Вацуру и др. М., 1985. Т.1. С. 216-217. См. также: Утаенная любовь Пушкина. С. 142-143.

вполне могли стать дарение альбома и нарисованный в центре л. 1 профиль; а кто из двоих, в этой игре участвовавших, его выполнил, сказать с определенностью нельзя.

Теми же бледно-серыми чернилами, что и хронологическая помета на л. 1, т. е., без сомнения, тогда же, на обороте были записаны 20 строк Эпилога к «Руслану и Людмиле», которые опирались на ранее сделанные черновые наброски,⁵ содержат лишь три небольшие поправки, внесенные *по ходу* заполнения страницы,⁶ и с очень малыми изменениями перешли в беловой текст, а потому с полным основанием, хотя стилистически не очень удачно, квалифицированы С. М. Бонди как «первоначальная беловая редакция начала Эпилога» (Акад. IV, 273).

Когда Пушкин заполнил л. 1 об. и в тот же присест перешел на л. 2, заготовки к Эпилогу были, видимо, исчерпаны, и текст быстро перерастает в черновой. Первые четыре строки легли еще на едином дыхании:

Теперь заброшенный судьбою
Далече от берегов Невы
Теперь я вижу над собою
Кавказа гордые главы

(ПД 830, л. 2; Акад. IV, 274)

Заметив нежелательное повторение слова «теперь», Пушкин легко устраняет этот стилистический огрех: сначала он вычеркивает наречие в третьей строке (этот промежуточный вариант не отражен в Акад.), но сразу же восстанавливает, меняя при этом первый стих на: «Забывтый злобною судьбою». Далее, однако, творческий процесс резко застопорился. Кавказские впечатления, переполнявшие поэта, никак не выстраивались в стройное, связное описание, которого требовали величественные и живописные картины дикой горной природы.

⁵ Один из них, соответствующий шести начальным строкам, сохранился в тетради ПД 829, л. 54 об. (см.: Акад. IV, 273).

⁶ Ст. 2: а. На лоне праздной тишины б. Вместо На лоне начато исправление: в мину<ты> в. Под сенью праздной тишины

Ст. 15: а. О дружба!.. мирный утешитель б. О дружба!.. верный искупитель

Ст. 19: а. Ты возвратила мне свободу б. Ты сохранила мне свободу

Из-под пера выходили разрозненные, не рифмованные одна с другою строки, не удовлетворявшие Пушкина, который пробовал разные их варианты, но не нашел ни одного для себя приемлемого (см.: ПД 830, л. 2; Акад. IV, 274). В этих нескольких строках, против которых слева в момент раздумья была нарисована мужская голова в профиль, зачеркнуты все слова до единого. Лишь после этого наконец мелькнуло продолжение:

Над их вершин<а>м<и>⁷ крутыми
На к<аменистых> <?>⁸

Далее, кажется, дело не пошло, и, зачеркнув начатую вторую строку, Пушкин на этом остановился.

Вернувшись к Эпилогу после какого-то перерыва, он пользовался чернилами коричневого цвета, отличными от предыдущих. Он начал, вероятно, с того, что перечитал уже написанное, сделав две поправки: восстановил исходный вариант во второй строке («На лоне праздной тишины») и третью строку изменил с первоначального «Я пел на лире мне послушной» на «Я славил лирою послушной». Попутно в трех словах он подправил нечетко написанные буквы (строка 4: «преданья», строка 11: «незримой», строка 16: «души»), повторно зачеркнул прилагательное «мирный» (строка 15), а пробегая первые четыре строки на л. 2, оставил против них пером на левом поле два штриха, значение которых не представляется возможным истолковать.⁹ Просматривал, видимо, Пушкин и отвергнутые наброски, в завершение перечеркнув их крест-накрест и несколькими волнистыми линиями. После этого ниже строки

⁷ В автографе описка. вершиим<и>

⁸ Конъектура С. М. Бонди.

⁹ По справедливому замечанию С. В. Березкиной, высказанному автору статьи устно, подобные штрихи в рукописной практике Пушкина могут означать перестановку, которая, как полагает исследовательница, в данном случае и предполагалась, но затем была отменена (в беловом автографе Эпилога соответствующие строки расположены в той же последовательности, как и здесь, — см. л. 3 об.). При отсутствии каких-либо иных признаков якобы задумывавшейся перестановки подобную интерпретацию разбираемых штрихов допустимо рассматривать лишь в теоретическом аспекте как не более чем принципиальную возможность «примеривания» такого расположения строк, отнюдь не как действительно существовавший какое-то время вариант.

«Над их вершин<а>м<и> крутыми» были написаны четыре продолжавших ее стиха:

На скате каменных верш<ин>
Питаюсь чувствами живыми
И чудной прелестью картин
Природы¹⁰ дикой и угрюмой. —

(ПД 830, л. 2; Акад. IV, 274–275)

На этом непродолжительный творческий порыв угас; описание кавказской природы по-прежнему не давалось, и позднее, в беловом автографе, для него будут найдены лишь самые общие слова (см.: ПД 830, л. 3 об.; Акад. IV, 86–87, ст. 23–29). Перечитывая после очередного перерыва написанное, Пушкин заметил в соседних строках повторяющееся слово («Над их вершин<а>м<и> крутыми / На скате каменных вершин») и заменил его во второй другим («стремнин»), а в следующем стихе, зачеркнув эпитет «живыми», надписал «немыми». Собственно же продолжение Эпилога опять не складывалось, о чем свидетельствуют написанные в этот присест мелким почерком внизу страницы наброски — все, кроме последнего стиха («Я прежних вы<мыслов> <?> искал —»), зачеркнутые. Дописал Пушкин Эпилог в черновом виде уже в следующее к нему возвращение на л. 2 об. карандашом.

Характер творческого процесса, каким он предстает из проведенной выше реконструкции заполнения двух первых листов тетради, говорит о том, что жалобы в конце Эпилога покинутого «богиней тихих песнопений» автора на отсутствие вдохновения, хотя его

Душа, как прежде, каждый час
Полна томительною думой

(ПД 830, л. 2 об.; Акад. IV, 275),

не были одною лишь условною лирической позою, но выражали действительное в те дни состояние чувств и мыслей поэта-изгнанника.

Какой продолжительности были перерывы в работе над черновиком Эпилога, когда Пушкин ее окончил и когда — тогда же или позднее — нарисовал карандашом на той же странице под текстом две человеческие фигуры, никак пока не соотношенные с его поэтическим процессом,¹¹ установить не представляется возможным. Перебелил Эпилог Пушкин, согласно помете в автографе под заголовком, 26 июля 1820 г., заполнив обе стороны л. 3 с переходом на л. 4, где написаны три последних стиха и под ними поставлен завершающий спиральный росчерк. Никаких существенных изменений в процессе переписки с черновика текст не претерпел; немногочисленные разночтения, затронувшие преимущественно эпитеты и предлоги, содержатся в стихах 15, 16, 20, 23 и 37; правился по ходу перебеливания лишь ст. 15. Пять поправок на л. 3 об. и л. 4 (в стихах 15, 21, 33, 36 и 37) были, судя по оттенку чернил, внесены в следующий прием — вполне вероятно, при переписке для отправки в журнал, где впервые был напечатан Эпилог.¹²

Ниже спирального росчерка на л. 4 записаны чернилами другого оттенка стихи 121–123 пятой песни дантовского «Ада»:

Ed ella a me: nessun maggior dolore
Che ricordasi del tempo felice
Nella miseria.¹³

¹¹ Л. Б. Модзалевский (Рукописи Пушкина в собрании Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде С. 19) и вслед за ним Т. И. Краснобородько определили их как «сидящая женская фигура и фигура св. Себастьяна <?>» (Раб. тетр. С. 46). В новейшем и пока единственном печатном своде (неполном и, к сожалению, в ряде отношений небрежном) графических произведений Пушкина этот рисунок подписан: «„Св. Себастьян” и „Вирсавия” <?>. „Искушение Св. Антония” <?>». Источник, который мог бы послужить Пушкину оригиналом, не установлен даже предположительно; никаких пояснений касательно определения сюжетов не дано. (Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 19 т. М.: Воскресенье, 1996. Т. 18. Рисунки / Сост. С. В. Денисенко, А. В. Дубровский, Т. И. Краснобородько. С. 252).

¹² Сын отечества 1820. Ч. 64. № 38 С. 230–231. Все эти исправления вошли в печатный текст.

¹³ И мне она нет большего мученья / Как о поре счастливой вспоминать / В несчастье (ит., пер. Д. Д. Минаева)

¹⁰ Первоначально описка: Природой

Поскольку эта «крылатая» в пушкинское время цитата¹⁴ находится между Эпилогом и замыкающими страницу конечными строками первой редакции элегии «Увы! зачем она блистает...», то интервал, в который она была переписана в тетрадь, определяется, принимая во внимание отличающийся цвет чернил, по темпоральным пометам этих двух произведений: после 26 июля 1820 и ранее 8 февраля 1821 г. Для более узкой датировки надежных палеографических оснований не имеется.¹⁵ Не поддается она уточнению и через автобиографический подтекст этой выписки. Цитата созвучна духовному состоянию Пушкина после высылки из Петербурга,¹⁶ как оно отразилось в ряде написанных в это время произведений, включая «Кавказского пленника». С особенной остротой эти настроения проявлялись, разумеется, в первые месяцы и постепенно затухали, но тем не менее все полгода, на которые приходится датировка записи, отмечены сильным их влиянием, и, следовательно, дантовские строки могли привлечь внимание Пушкина и вызвать отклик в его душе как в начале, так и в конце указанного периода. Не имея возражений против этого представляющегося бесспорным толкования записи и вывода из

¹⁴ См.: Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М., 1941. С. 385–386; То же. М., 1999. С. 441 – 442. В частности, эту цитату, но без вводящих прямую речь слов («Ed ella a me»), поставил Байрон эпитафией к первой песни «Корсара». Пушкин определенно читал эту поэму с Н. Н. Раевским-сыном в Гурзуфе, а может быть, уже и на Кавказе (см. с. 92–93). Расхождение в начальных словах не позволяет считать эпитафию бесспорным источником выписки в тетради.

¹⁵ Правда, М. А. Цявловский считал, что «очень похожий почерк» Эпилога и цитаты «позволяет предположительно датировать и итальянскую запись этим временем», но оговаривал: «во всяком случае, не позднее 8 февраля 1821 г.» (Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты / Подгот. к печати и коммент. М. А. Цявловский, Л. Б. Модзалевский, Т. Г. Зенгер. М.; Л., 1935. С. 483). Без изменений это утверждение повторено во втором издании сборника «Рукою Пушкина» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 19 т. М.: Воскресенье, 1997. Т. 17. Рукою Пушкина: Выписки и записи разного содержания; Официальные документы. — 2-е изд., перераб. / Отв. ред. Я. Л. Левкович, С. А. Фомичев. С. 455). Эти же широкие границы датировки: «1820. Июль... 1821. Январь» — указаны и в справочном издании: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. М., 1999. Т. 1 / Сост. М. А. Цявловский; Отв. ред. Я. Л. Левкович. С. 194.

¹⁶ См.: Рукою Пушкина. С. 484. Здесь и далее этим сокращением обозначается первое издание сборника (1935).

него касательно датировки, нельзя не отметить возможность и другой интерпретации. В качестве «крылатой» цитаты эти стихи приводились всегда без начальной фразы («Ed ella a me»), отсутствие которой придавало им универсальный, ничем не ограниченный смысл. Пушкин ее сохранил, что дает основание поставить вопрос, не вкладывал ли он в свою запись какое-нибудь конкретное, локальное содержание, т. е. не ассоциировалось ли в его сознании местоимение «она» с какой-то из женщин, с кем он общался в пору, когда сделал в тетради рассматриваемую запись. Если дело обстояло именно так (что не доказуемо, но и не невозможно), то речь должна была бы идти, вероятно, о гурзуфских впечатлениях и том чувстве к одной из сестер Раевских, под влиянием которого были написаны элегии «Увы, зачем она блистает...» и «Зачем безвременную скуку...». В этом случае нижняя граница датировки могла бы быть гипотетически приближена ко времени либо пребывания в Гурзуфе, либо сравнительно недавнего отъезда из него и расставания с семьей Раевских, когда в прошлое ушли счастливые дни, проведенные с ними на Кавказе и в Крыму.

Как бы то ни было, но, обозначив завершение Эпилога спиральным росчерком, Пушкин закрыл тетрадь и вернулся к ней (если опустить спорный вопрос о выписке из «Ада») уже в Гурзуфе, куда приехал 19 августа. Первые дни он работал в ней карандашом, сделав несколько рисунков и набросав черновики трех стихотворений. Заполнение шло в прямой последовательности, начиная с позднее вырванного и не сохранившегося л. 4а (нижняя часть лицевой стороны и оборот л. 4 были на этой стадии оставлены чистыми) и завершилось на л. 9 дневниковой пометой. К некоторым из этих листов Пушкин возвращался позднее уже с пером в руках. Соответственно в дальнейшем изложении каждый из них будет рассмотрен дважды: сначала в «карандашном» и вторично в «чернильном» циклах работы.¹⁷

¹⁷ История заполнения л. 4а–9, условно названных «гурзуфскими», прослежена подробно и со всей необходимой аргументацией в статье: Рак В. Д. «Гурзуфские» листы рабочей тетради ПД 830 // Пушкин и его современники. СПб., 1999. Вып. 1(40). С. 133–152. В данной статье приводятся в кратком изложении лишь главные выводы из анализа этих листов, уточненные и дополненные новыми наблюдениями.

Л. 4а. На оборотной стороне корешка заметны остатки карандашного рисунка. На лицевой стороне находятся обрывки чернового автографа (в чернилах) первоначальной редакции элегии «Увы, зачем она блистает...». Это стихотворение, посвященное, вероятно, Екатерине Н. Раевской, вряд ли могло быть написано сразу после первой встречи с девушкой по приезде в Гурзуф, так как в нем упоминаются ее беседы с поэтом-«страдальцем», которые она оживляла «беспечной, милой остротой», утешая его своею «тихой, ясною душою». Роль «страдальца», в которой выступает здесь Пушкин, исключает возможность того, что «беседы» подразумевали также и петербургский период знакомства. Следовательно, речь идет о неоднократном общении в Крыму, т. е. по крайней мере о нескольких днях, и, таким образом, хотя черновой автограф стихотворения сохранился на «гурзуфских» листах в обрывках первым, он, как и другие записи, сделанные на них чернилами, относится к более позднему времени, а первоначально, как можно с достаточным основанием предположить, на этой странице было что-то написано или нарисовано карандашом.

Согласно описанию тетради, «далее вырван еще один лист»,¹⁸ о содержании которого ничего не известно. Из черновиков немногих произведений, написанных или только начатых в Гурзуфе, не сохранилось никакого следа лишь от самых первых набросков «Кавказского пленника», которые не могли не существовать, поскольку начало поэмы в этой же тетради (л. 10–11) явно перебелялось с какого-то предшествующего текста.¹⁹ Естественно поэтому допустить, что если на изъятом листе находились записи творческого характера, то ими могли быть эти самые гипотетические наброски, а далее позволительно также поставить вопрос, не был ли ими занят частично и л. 4а, о котором шла речь выше. Хотя эта гипотеза и кажется достаточно правдоподобной, но против нее существует сильный контраргумент, вытекающий из анализа л. 5а и состоящий в том, что первая запись в Гурзуфе была сделана, возможно, именно на этом листе,

¹⁸ Раб. тетр. С. 47.

¹⁹ Первым это отметил В. Е. Якушкин (см.: *Пушкин А. С.* Соч. СПб.: Имп. Акад. наук, 1905. Т. 2. С. 381–382.

а на предыдущих находились только рисунки, большинством из которых Пушкин не дорожил (см. ниже).

Л. 5. В Гурзуфе обе стороны листа были заняты только карандашными рисунками. На лицевой стороне изображение сильно затерто и едва различимо (в верхней его части угадывается подобие пика горы?²⁰). На оборотной стороне нарисованы два женских портрета в профиль, один из которых изображает предположительно С. А. Раевскую в чепце,²¹ а другой не идентифицирован.

Л. 5а. На этом вырванном позднее листе был написан карандашом черновик элегии «Погасло дневное светило...», как убедительно предположила В. Б. Сандомирская на основе сопоставления сохранившихся на корешке букв с начальными строками стихотворения.²² По свидетельству самого Пушкина в письме к брату от 24 сентября 1820 г. (Акад. XIII, 19), подтверждаемому воспоминаниями М. Н. Волконской в записи П. И. Бартенева,²³ элегия была сочинена во время переезда морем из Феодосии в Гурзуф в ночь с 18 на 19 августа. Разумеется, на палубе корабля в темноте стихи можно было сочинять только в устной форме, а записаны они были, конечно, уже на берегу и маловероятно, чтобы Пушкин долго с этим тянул. Таким образом, черновой текст элегии «Погасло дневное светило...» был занесен в тетрадь, по всей видимости, если не в самый день приезда, то в ближайшие два-три, именно: 19–21 августа. Этой датировке придает убедительность и то обстоятельство, что, написав вчерне это стихотворение, Пушкин работал в тетради карандашом еще над двумя, которые давались ему нелегко и, следовательно, заняли некоторое время, а последняя запись карандашом (дневниковая, с датой) была сделана 24 августа. В этом свете очень велика вероятность того,

²⁰ Впрочем коллеги, с которыми консультировался автор статьи, склонны видеть в этом рисунке человеческий профиль.

²¹ *Жуйкова Р. Г.* Портретные рисунки Пушкина: Каталог атрибуций. СПб., 1996. С. 296. № 679.

²² См.: *Сандомирская В. Б.* О первом наброске стихотворения «Увы! зачем она блистает»: (К вопросу о датировке) // *Временник Пушкинской комиссии.* Л., 1986. Вып. 20. С. 138–139.

²³ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 219.

что черновой автограф элегии «Погасло дневное светило...» был в Гурзуфе самой первой текстовой записью.

Л. 6. Обе стороны (лицевая полностью, обратная — на две трети) заняты черновым наброском «Я видел Азии бесплодные пределы...» — новой попыткой Пушкина изложить в поэтической форме свои кавказские впечатления. В принятой сейчас во всех изданиях, как научных, так и массовых, сводке, выработанной С. М. Бонди (Акад. II, 141), стихотворение приобрело вид цельного и ритмически стройного отрывка, но этот результат достигнут отнюдь не бесспорными приемами реконструкции текста. Реальный процесс работы над стихотворением, прослеженный в отдельной статье (см. ниже, с. 162–182), и конечный результат существенно отличаются от того, как они представлены в Акад.

Когда был написан ст. 16 (которому суждено было стать последним цельным) и начали возникать первые наметки следующего, мысль Пушкина, возможно, скользнула по ассоциации от виденных им на водах «увядших юношей, отступников пиров» (варианты: «дряхлых», «бледных») и других больных, над описанием которых он бился, к мучившей его в Екатеринославе и по дороге на Кавказ лихорадке, а от нее к лечившему его доктору Е. П. Рудыковскому. Вспомнив его, Пушкин записал ниже тем же карандашом и сразу набело эпиграмму «Аптеку позабудь ты для венков лавровых...». К наброску «Я видел Азии бесплодные пределы...» он более не возвращался.

Л. 6а. На лицевой стороне корешка имеются остатки штриховки карандашом, т. е. здесь находился какой-то рисунок и, может быть, текст. Несомненно, что-то было написано или нарисовано и на обороте листа. Закономерно в очередной раз встает вопрос о черновых набросках к поэме «Кавказ» («Кавказский пленник») и эпиграмме (или эпиграммам), ей предшествующей (предшествующим) на л. 8.

Л. 7. На обеих сторонах карандашом написан черновой текст стихотворения «К***» («Зачем безвременную скуку...»). Начал Пушкин его со слова «[За чем]» (над которым впоследствии, на поздней стадии, было надписано «Единый звук») на лицевой стороне с большим отступом от верха и, дойдя до конца оборота («Тогда едины<й> / Мечт<ать> <?>» — ср.: Акад. II, 626,

сн. 3 ж, э), перевернул лист обратно и заканчивал стихотворение на оставшемся пустым месте сверху лицевой стороны. Эту особенность автографа не увидел С. М. Бонди, готовивший текст стихотворения для Акад., и открыл варианты чернового автографа строками («Тоской <могилой> ~ Единый звук <ее речей>» — Акад. II, 626), которые должны находиться в конце.

По ходу работы на обороте листа был нарисован карандашом мужской профиль.

Л. 7а. На листе был написан карандашом какой-то текст, сохранившийся на обороте лишь обрывками, по которым, к сожалению, утраченное не поддается сопоставлению с какими-либо стихами гурзуфских дней. В полистном описании тетради, при составлении которого не была замечена установленная выше последовательность работы поэта на л. 7, допускается возможность того, что «на вырванном листе продолжался черновой автограф стихотворения «Зачем безвременную скуку...», начатого на предыдущем листе».²⁴ Естественной альтернативой этой ошибочной, как теперь ясно, гипотезе становится предположение о том, что здесь могли быть начальные строки поэмы «Кавказ», о которых уже несколько раз говорилось выше.

Последняя запись карандашом была сделана в Гурзуфе на л. 9 в виде дневниковой пометы, до сих пор не получившей удовлетворительного объяснения:

Владимир 1820 А<в>густ

24

П. В. Анненков, первым опубликовавший эту запись, и вслед за ним П. А. Ефремов и П. О. Морозов считали, что Владимиром Пушкин предполагал назвать героя поэмы, к которой он приступал, а его именем и саму поэму.²⁵ С этим объяснением нельзя согласиться по двум причинам. Во-первых (и это главное), имя Владимир ни разу не фигурирует даже на ближайших к указанной дате страницах черновой редакции поэмы. Между тем, если бы эта гипотеза была справедлива, оно не мог-

²⁴ Раб. тетр. С. 48.

²⁵ См.: Пушкин А. С. Соч. СПб., 1857. Т. 7. Ч. 1. С. 66; Соч. — 3-е изд., испр. и доп. / Под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1880. Т. 1. С. 545; Соч. — 8-е изд., испр. и доп. / Под ред. П. А. Ефремова М., 1882. Т. 1. С. 511; Соч. / Под ред и

ло бы исчезнуть столь бесследно, поскольку сам факт его записи свидетельствовал бы о том, что Пушкин придавал ему какое-то особое значение. Во-вторых, ни Анненковым, ни его единомышленниками не было дано вразумительного ответа (да его, кажется, и не существует) на вопрос, зачем было Пушкину делать памятную записку о подобранном для главного персонажа имени, да еще с точным указанием даты, тем более что он так никогда не поступал ни ранее, ни впоследствии.

В.Е. Якушкин²⁶ связал запись с пушкинским замыслом, о котором как о «давно обещанной поэме „Владимире”» упомянул П. А. Вяземский в рецензии на «Кавказского пленника».²⁷ С этим толкованием резко полемизировал П. О. Морозов, отстаивая прежнюю интерпретацию,²⁸ но с течением времени именно оно утвердилось в пушкиноведении. С ним согласились М. А. Цявловский²⁹ и комментатор новейшего издания записей дневникового характера Я. Л. Левкович, назвавшая объяснение, предложенное В. Е. Якушкиным, «правильным».³⁰ Однако ряд вопросов, им вызываемых, не позволяет согласиться безоговорочно с этим категорическим определением.

Узнать о поэме «Владимир» П. А. Вяземский мог еще до отъезда Пушкина в ссылку или от него лично при встречах в Петербурге, или из какого-то не известного нам письма. Если это действительно произошло до мая 1820 г., то замысел, который с Вяземским поделился молодой поэт, родился во время работы над «Русланом и Людмилой» и был, вероятно, подсказан какими-то ассоциативными от нее ответвлениями. На-

с объяснит. примеч. П. О. Морозова. СПб., 1887. Т. 2. С. 300; Соч. ... с объяснениями их и сводом отзывов критики / Изд. Л. Поливанова. М., 1887. Т. 2. С. 56; Соч. и письма / Под ред. П. О. Морозова. СПб., 1903. Т. 3. С. 111.

²⁶ См.: *Пушкин А. С.* Соч. СПб.: Имп. Акад. наук, 1905. Т. 2. С. 382, 413–414.

²⁷ *Вяземский П. А.* О «Кавказском пленнике», повести соч. А. Пушкина // *Сын отечества*. 1822. Ч. 82. № 49. С. 125–126. См. также: *Пушкин в прижизненной критике, 1820–1827* / Под общ. ред. В. Э. Вацура, С. А. Фомичева. СПб., 1996. С. 128.

²⁸ См.: *Пушкин А. С.* [Собр. соч.] / Под ред. С. А. Венгерова. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1908. Т. 2. С. 25.

²⁹ См.: *Рукою Пушкина*. С. 291.

³⁰ См.: *Пушкин А. С.* Дневники; Записки / Изд. подгот. Я. Л. Левкович. СПб., 1995. С. 249.

сколько глубоким и устойчивым был интерес Пушкина к новому сюжету, сказать невозможно, так как приведенное выше беглое и неопределенное свидетельство Вяземского — это все, что известно о задумывавшейся поэме. Гурзуф, где была сделана запись, находится относительно недалеко от бывшего Херсонеса Таврического — места крещения Владимира и его женьитьбы на греческой царевне Анне. Для Пушкина было бы естественным, оказавшись вблизи столь значительного в русской истории древнего города, вспомнить свои давние творческие планы, а если на самом деле подобного замысла еще не существовало, получить здесь творческий импульс к его возникновению. Нарисованные несколько позднее на полях начатой поэмы «Кавказ», т. е. чернового автографа «Кавказского пленника» (л. 15 об.), шлем и голова в шлеме говорят о том, что какая-то тема из древних времен бродила в голове поэта. До сих пор предположение В. Е. Якушкина выглядит достаточно убедительным — далее начинаются вопросы и сомнения. Если появившаяся в Гурзуфе мысль о поэме «Владимир» Пушкин счел достойной быть отмеченной особой запиской для памяти с указанием даты, значит этому давнему либо только что родившемуся замыслу он придавал какое-то важное значение. Почему же он более никогда об этой поэме не думал, не оставив не только что ни строчки набросков или плана, но даже ни единого на нее намек? На той самой странице, где находится дневниковая записка, он нарисовал титульный лист своей новой поэмы, к сочинению которой без промедления приступил, — но это был «Кавказ»! Ни в его собственных письмах осени 1820 года, ни в переписке и воспоминаниях его друзей и знакомых ни разу не мелькает ни единого упоминания о поэме «Владимир». В конце 1820 - начале 1821 гг. он перечитывал «Историю» Карамзина, однако его внимание как возможный герой произведения на сюжет из русской истории привлек отнюдь не Владимир, а Вадим Новгородский (см. ПД 830, л. 43, 50, 58; Акад. VII, 365–366) и Мстислав, князь тмутараканский.³¹

³¹ См. Эпилог к «Кавказскому пленнику» (ст. 22) и авторское примечание к нему (Акад. IV, 113, 117), а также планы поэмы «<Мстислав>» (ПД 832, л. 8–9, 16; Акад. V, 157–158), где Владимир предполагался лишь как персонаж, дающий начальный толчок действиям главного героя.

Эти соображения подтачивают внешнюю убедительность гипотезы В. Е. Якушкина, не позволяя признать бесспорной и окончательной его расшифровку смысла памятной записки.

В гурзуфском окружении Пушкина не было, насколько известно, никого по имени Владимир. Таким образом, приходится констатировать, что загадка разбираемой пометы не может быть решена, если чудом не обнаружатся какие-нибудь дополнительные сведения о пребывании Пушкина в Крыму. Не оставляя надежды на подобное открытие, но понимая реалистически, насколько ничтожна вероятность того, что оно когда-нибудь произойдет, необходимо тем временем выявлять и критически оценивать все случаи, когда Пушкин мог в эти дни столкнуться прямо или косвенно с именем Владимир.³²

Применительно к истории заполнения тетради запись о Владимире интересна и важна не своим для нас, вероятно, утраченным смыслом, но обозначением даты, которая стала некоего рода творческой вехой, знаменовавшей начало систематической, продолжавшейся несколько месяцев работы над черновой редакцией «Кавказского пленника».

До этой даты, в интервале между 19 и 24 августа 1820 г., Пушкин, как явствует из предшествующего анализа, написал *карандашом*, в черновом виде и в приводимой ниже последовательности:

³² В частности, если верно предположение (см. далее, с. 128), согласно которому в Гурзуфе Пушкин впервые прочел в «Вестнике Европы» статью Жителя Бутырской слободы с резким отзывом о «Руслане и Людмиле» ([Глаголев А. Г.]. Еще критика: (Письмо к редактору / Житель Бутырской слободы // Вестник Европы. 1820. Ч. 111. № 11. С. 213–220), то в отделе «Объявления о книгах» он узнал бы о выходе двух томов «Епических творений» М. М. Хераскова, содержащих, как упоминалось в объявлении, поэму «Владимир» (Там же. С. 243). Здесь же сообщалось о сборнике «Идиллии» Владимира Ивановича Панаева (Там же. С. 243–244), с которым Пушкин встречался в Петербурге в 1818 году на заседаниях Общества любителей словесности, наук и художеств и о чьих стихотворениях высказывался несколько раз позднее весьма пренебрежительно. В предыдущем номере были напечатаны стихи Н. Д. Иванчина-Писарева «К новорожденному сыну поэта Владимиру» (Там же. № 10. С. 117; подпись: Н. И. П....въ), однако они Пушкину ничего не говорили, так как с отцом их адресата, П. И. Шаликовым, он познакомился уже после ссылки. Ни одна из этих встреч Пушкина с именем Владимир не могла стать предметом его дневниковой записи.

- элегию «Погасло дневное светило...»;
- набросок «Я видел Азии бесплодные пределы...»;
- эпиграмму «Аптеку позабудь ты для венков лавровых...»;
- наброски стихотворения «К***» («Зачем безвременную скуку...»);
- предположительно наброски поэмы «Кавказ», находившиеся на вырванных позднее листах и потому не сохранившиеся.

После этого Пушкин оставил надолго карандаш и писал в тетради чернилами, заполняя последовательно, с несколькими перерывами, страницу за страницей черновым текстом «Кавказского пленника». Однако пользовался он чернилами, в том числе и в тетради, еще и до того, как приступил к поэме.

На л. 7 об. поверх карандашных строк элегии «Зачем безвременную скуку...» Пушкин расписался шесть раз тем же пером и теми же чернилами, какими на л. 9 об. написан эпиграф из «Фауста». Очевидно, это была в буквальном смысле слова проба пера перед тем, как начать новое, большое произведение, а место для нее было выбрано здесь потому, что записанный на листе карандашом первоначальный текст более не был поэту нужен, то есть был полностью исчерпан. Следовательно, к этому времени Пушкин его уже перебелил - и сделал это, разумеется, чернилами. Этот автограф неизвестен.³³

Когда на л. 9 появилась загадочная дневниковая помета, предыдущий лист был уже, по-видимому, частично использован, потому что, если бы он к этому моменту оставался чистым, то в соблюдавшейся до тех пор неуклонно прямой последовательности заполнения тетради на нем и была бы сделана запись о Владимире. Если же Пушкин случайно пропустил л. 8, то вероятнее всего он бы это заметил и к нему вернулся, когда решил оформить титульный лист поэмы «Кавказ». Наконец, можно предположить, что лист был намеренно оставлен пробельным, чтобы то ли еще вызревавшая, то ли уже почти готовая и пред-

³³ Не его ли отдал Пушкин для публикации в «Московском вестнике»? Впрочем, стихотворение могло подвергаться и дальнейшей переработке, так что не исключена вероятность существования также не дошедшего до нас более позднего автографа, не считая находившегося в альбоме В. П. Зубкова и датированного 1 ноября 1826 г.

назначавшаяся здесь быть записанной в самом недалеком будущем эпиграмма на М. Т. Каченовского («Хаврониос! ругатель закоснелый...») не разорвала текст большого произведения, которое должно было занять в тетради много листов подряд. Однако пропустить умышленно чистый лист на какое-то время, чтобы на следующем сделать запись о Владимире и едва ли не сразу оформить тут же титульный лист было бы противно самой элементарной логике: если запись не помешала титульному листу, то тем более не была бы она препятствием для эпиграммы, а сохранение целостности текста еще только задуманной поэмы вряд ли могло сильно заботить Пушкина, так как, начав ее, он через некоторое время вторгся на ее страницы с посторонним наброском («[Жуковской] / [Как ты шалишь и как ты мил]...» — л. 13) и позднее также неоднократно (л. 24 об.–25, 28–30, 38–40) перемежал ее с другими сочинениями.

Итак, наиболее вероятно, что беловой текст эпиграммы на Каченовского, которого Пушкин счел автором ругательного разбора опубликованных к тому времени отрывков из «Руслана и Людмилы», был записан на л. 8 непосредственно перед 24 августа. Из этого можно заключить, что номер «Вестника Европы» со статьей Жителя Бутырской слободы, вышедший в свет 28 июня, попал в руки Пушкину в Крыму. Может быть, он ожидал его в Гурзуфе, привезенный туда из Киева С. А. Раевской и ее дочерьми Екатериной и Еленой?

Первоначально на лицевой стороне л. 8 находилось только это стихотворение, имея заголовок «Эпиграмма». Позднее здесь же были записаны еще две («Когда б писать ты начал сдуру...» и «Как брань тебе не надоела?...») и переправленный во множественное число заголовок стал общим для всех трех. В отличие от первой, эти эпиграммы точной датировке не поддаются, но и предложенная С. М. Бонди: июль – сентябрь 1820 г. (Акад. II, 1082–1083) — должна быть изменена: август (после 24) – сентябрь 1820 г.³⁴ Еще позднее, в третий прием, на оборо-

³⁴ Основания, по которым нижней границей датировки С. М. Бонди указал сентябрь, а не более поздний месяц, не ясны. Сравнение чернил, которыми написаны эти две эпиграммы, с чернилами, определенно употребленными Пушкиным в сентябре (ср., например, л. 7), не опровергает, однако и не подтверждает безусловно его заключения.

те была написана четвертая эпиграмма — на гр. Ф. И. Толстого («В жизни мрачной и презренной...»), которую Бонди датировал августом–декабром 1820 г. (Акад. II, 1083). После этого незаполненной оставалась нижняя половина страницы, и Пушкин вернулся сюда лишь в двадцатых числах (до 27) июня 1822 г., используя это место для переработки по требованию цензуры строк 269–277 второй части «Кавказского пленника».³⁵

Работа в тетради ПД 830 над черновым текстом «Кавказского пленника» была детально прослежена еще в 1930-х гг. С. М. Бонди в статье, которая предназначалась быть частью комментария к поэме в юбилейном академическом «Полном собрании сочинений» А. С. Пушкина. Это ценное исследование едва не постигла несчастливая судьба всех подготавливавшихся тогда комментариев; но, в отличие от большинства из них, оно было избавлено от забвения С. Д. Селивановой, изложившей главные наблюдения и выводы Бонди в своей книге,³⁶ редактором которой был сам выдающийся текстолог, что позволяет считать соответствующие абзацы второй главы, посвященной работе над текстом поэмы, своеобразной авторизованной публикацией.

В текстологической справке академического издания, составленной Бонди по результатам своего исследования, говорится: «Поэма „Кавказский пленник“ была написана Пушкиным в 1820–1821 гг. Первоначальная редакция поэмы („Кавказ“) написана в августе 1820 г. Черновик поэмы писался с августа до декабря 1820 г.» (Акад. IV, 468). Подробнее начальная фаза освещена С. Д. Селивановой: «...судить о том, когда была начата работа над поэмой, когда были написаны не дошедшие до нас черновики начальных строф, можно только предположительно. Вполне вероятной кажется догадка С. М. Бонди, полагающего, что вряд ли черновики начала „Кавказа“ были написаны намного раньше беловика, т. е. раньше августа». Напомнив строки 30–39 из помеченного 26-м июля 1820 г. Эпилога к «Руслану и Люд-

³⁵ Исправленными эти стихи Пушкин послал Н. И. Гнедичу в письме от 27 июня 1822 г. (Акад. XIII, 39–40).

³⁶ Селиванова С. Д. Над пушкинскими рукописями / Отв. ред. С. М. Бонди М., 1980.

миле», в которых поэт жалуется на творческий застой, исследовательница заключает: «Маловероятно, что Пушкин писал эти стихи в разгар работы над новой поэмой. Скорее всего, начат „Кавказский пленник“ в августе 1820 г. Написав пятьдесят один стих,³⁷ т. е. три отрывка и начало четвертого, Пушкин тогда же переписал их набело в записную книжку».³⁸

С этим выводом согласно и вытекающее из проведенного выше анализа л. 4а – 9 предположение, согласно которому первоначальные, нам не известные наброски поэмы «Кавказ» могли записываться карандашом на каких-то листах из позднее вырванных. Если это верно, то появились такие наброски в тетради между 19 и 24 августа, а к их перебеливанию Пушкин приступил не ранее второй из этих дат, как явствует из памятной заметки о Владимире.

Перебеливание началось с тщательного оформления титульного листа, который, помимо заглавия начинаемого произведения («Кавказ»), его жанрового определения («поэма»), виньеток и рисунка, изображающего горный пейзаж, содержал также указание на время и место работы («1820 / Юрзуф Август»). Линии верхней виньетки в двух местах пересекают карандашную запись *поверх* буквы «В» и цифры «4». Вокруг цифры «24», написанной под датой «1820 А<в>густ», как раз напротив пробела между нулем и «А» и практически посередине, виньетка делает нарушающую ее симметрию петлю. Расположение цифры относительно верхней карандашной строки и отступление от симметрии виньетки являются признаками того, что, выписывая линию, рука художника окружала уже имевшийся на странице элемент.

Когда титульный лист был готов, Пушкин, кажется, сменил перо и, может быть, что-то сделал с чернилами, в результате чего они приобрели темноватый оттенок. Перо нужно было опробовать. Для этого, как уже говорилось, Пушкин вернулся на л. 7 об., где находился ставший уже ненужным черно-

³⁷ Происхождение этой цифры неясно: перебелены сорок пять стихов, причём последний — неполный.

³⁸ Селиванова С. Д. Указ. соч. С. 34.

вик элегии «Зачем безвременную скуку...». В этот, по-видимому, момент родился и был тут же записан фрагмент:

Забудь меня — твоей любви
Моя душа

Продолжения не последовало, и Пушкин, зачеркнув написанное, провел внизу завершающий горизонтальный штрих. Однако много позднее, дойдя до исповеди пленника, он вспомнил эти строки и первую из них использовал в раннем варианте буквально (л. 31 об.; Акад. IV, 321, сн. 5).³⁹

Ниже черточки была произведена собственно проба пера: аккуратным почерком написаны слова «И красота», а под ними столбцом шесть вариантов подписи, из которых три последние оборваны на разных буквах как неудовлетворительные. После этого на л. 9 об. Пушкин так же аккуратно написал эпиграф из «Фауста» (Акад. IV, 286), а на л. 10 заглавие и стал перебеливать черновик. На протяжении первой строчки чернила меняли оттенок и к концу посветлели, приобретя тот, который имеет весь перебеленный текст на л. 10–11. Второй эпиграф (Акад. IV, 286), взятый из неустановленного сочинения на французском языке, был записан позже другим, небрежным почерком и другими чернилами. По содержанию он более отвечает тому времени, когда поэма близилась к концу.

Начав писать текст поэмы, Пушкин, следуя примеру Байрона, стал нумеровать римскими цифрами неравнострочные фрагменты, из которых она, в типично байроновской⁴⁰ манере, строилась; так он дошел до номера «VII», пропустив, впрочем, «V» (ПД 830, л. 10–11, 16; Акад. IV, 286–288, 296) и далее перестал это делать.

³⁹ В описании тетради этот набросок определен как не учтенные в академическом издании «варианты стихов чернового фрагмента поэмы на л. 31 об.» (Раб. тетр. С. 47). Однако в момент записи он, может быть, и не мыслился Пушкиным заготовкою к поэме, так как в этом случае, вероятно, сохранялся бы незачеркнутым, а между тем зачеркивание произведено одними чернилами с записью, отличными от употребленных на л. 31 об.

⁴⁰ Ср. выше, с. 92.

Перебеливаемый текст почти сразу начал обрастать поправками. Уже на первой странице (л. 10) *по ходу ее заполнения* были переставлены две строки (Акад. IV, 286, ст. 11–12) и еще две изменены (Акад. IV, 287, ст. 17–18), а на следующей (л. 10 об.) перерабатывается целый фрагмент (Акад. IV, 287, ст. 23–26) и правка оказывается столь обильной, что в конце концов эти строки зачеркиваются и последний на тот момент их вариант пишется заново, обозначаемый выделяющими черточками сверху и снизу. Тем не менее далее на этой же и на следующей (л. 11) страницах текст продолжается как белой и обрывается на середине стиха («В дыму сидели» — Акад. IV, 288, ст. 45), не доходя приблизительно на четверть страницы до нижнего ее края. Здесь, нужно полагать, у Пушкина исчерпались черновые наброски и в работе над поэмой наступила заминка, после которой без какого-либо промежуточного перехода, непосредственно с переработки и продолжения последних имевшихся стихов, текст возобновился (другим пером, почерком и, кажется, чернилами) как черновой и оставался таковым на всем протяжении в тетради. По наблюдениям С. М. Бонди – С. Д. Селивановой, «поэма писалась Пушкиным в последовательности развития действия. Однако часто, не удовлетворенный сделанным ранее, поэт возвращается к уже написанным стихам, переделывает, правит их; порой же, напротив, забегаая вперед, набрасывает новые стихи, предназначенные для будущей части поэмы».⁴¹

Перебеленный текст прервался на пейзажно-этнографической картине вечера в горах, как раз на том месте, где началось изображение мирной жизни аула после трудового дня. Когда Пушкин к нему вернулся, уже написанные пейзажные строки не поддались переделке; решив ими заняться в другой раз (что и было сделано, и так же безуспешно), Пушкин перешел на л. 11 об., где стал записывать складывавшееся по-новому описание черкесов:

В косматых [шапках] [бурках] шапках, [*<нрзб.>*] на порогах
[Си<дят>] Черкесы [бренные] [*<нрзб.>*] [Гордые] мирные сидят
и т. д. (*ср.: Акад. IV, 289*).

⁴¹ Селиванова С. Д. Указ соч. С. 39

Именно этими стихами, в измененной редакции («В ауле на своих порогах / Черкесы праздные сидят»), открывается беловой автограф (ПД 831, л. 3) и печатный текст (Акад. IV, 93) «Кавказского пленника». На этом основании в разделе академического издания «Другие редакции и варианты» Бонди выделил «Первоначальную редакцию начала поэмы» (сорок пять перебеленных на л. 10–11 стихов с включенной сюда же, вопреки последовательности творческого процесса, более поздней их переработкой — Акад. IV, 286–289) и «Основной черновик поэмы» (Акад. IV, 289 и след.). Между тем перебеленное начало мыслилось Пушкиным входящим в общий черновик поэмы. Это явствует, например из того, что цифры «VI» и «VII», представленные на л. 16 для обозначения главок, продолжают общую, введенную с самой первой страницы нумерацию, в которой, правда, забыта, как уже отмечалось, цифра «V». О том, что разделенные Бонди части составляли единое целое, говорит и возвращение (судя по чернилам, по крайней мере дважды) на л. 10 об.–11, когда уже шла работа над «основным черновиком». Так, например, лишь на более поздней стадии могла быть зачеркнута на л. 10 об. цифра «III», причем следующей страницей в этот раз поэт не занимался и на цифру «IV» не обратил внимания, так что она осталась неизменной. Предположение того, что исходное начало со временем окажется лишним и будет исключено (с переносом из него ряда стихов в другое место), возникли тогда, когда сцена ожидания в засаде и пленения героя поэмы стала дополняться эпизодами, непосредственно к ней не относившимися и представлявшими собою беглые эскизы некоего более обобщенного описания воинственного черкеса. На л. 16–17 об. в характеристику героя вклинился отделенный от нее горизонтальными черточками набросок сцены убийства путника стрелой, пушенной из засады (Акад. IV, 315). Хотя, на первый взгляд, он по содержанию не связан с главками, которыми на той стадии открывалась поэма, совершенно от них независимым он не был, потому что приблизительно в это же время, судя по чернилам на л. 14 об., 15 об., записывается на л. 11, т. е. на соседней с эпизодом пленения странице, другой набросок боевого столкновения путника и черкеса (Акад. IV, 314–315), похожий по характеру на тот, о

котором шла речь выше. Выбор места для этих строк на развороте с эпизодом пленения, хотя там чистое пространство оставалось узкою полосой лишь по левому полю и по низу страницы, является признаком существования между ними какой-то если не прямой, композиционной, то во всяком случае ассоциативной связи. В подобном же отношении к началу стоял, видимо, и набросок на л. 16 об. – 17. Разрушение существовавшего начала поэмы предвещала, наверное, и зарисовка на л. 17 об.–18 (Акад. IV, 299) возвращения горцев в аул после трудового дня. В ней повторились, но тут же были зачеркнуты два стиха из аналогичного наброска на л. 11 («Влекутся с праздными сохами / Четы медлительных волов» — ср.: Акад. IV, 288 и 299), где тогда же против них приписываются слова «С полей», вошедшие в текст на л. 18. Вполне вероятно, что на л. 17 об.–18 Пушкин еще раз пытался доработать фрагмент, предназначенный для начала и потому отчеркнув от естественного, казалось бы, его продолжения («Зажглися в хижинах огни» — Акад. IV, 300, сн. 16); однако сам факт, что уже намечалось продолжение зарисовки, связанное в свою очередь с дальнейшим повествованием, говорит о том, что повторение будет устраняться за счет эскиза в начале поэмы.

Предпосылки стали обретать реальность позже, когда в записанном на л. 24 об. плане развития сюжета появился пункт «Черкес», который впоследствии вобрал в себя и засаду, и бой, и скачку с пленником на аркане; решающий отказ от исходного начала произошел лишь в окончательном плане поэмы (л. 39 об.), оформившемся уже тогда, когда черновик был почти завершен и ненаписанными оставались три последние пункта («Набег», «Ночь», «Побег» — см.: Акад. IV, 285–286).

Если допустить, что карандашная запись о Владимире была сделана в тот самый день, который в ней назван (24 августа), и тогда же был оформлен титульный лист, то в Гурзуфе, откуда Пушкин уехал 5 сентября, он мог работать в тетради над поэмой по самому большому счету 12 дней, а на самом деле, конечно, меньше. Находясь в пути 16 дней, он вряд ли ею занимался, хотя во время остановки в Одессе сочинил небольшое стихотворение «Мне вас не жаль, года весны моей...» (см. ниже, с. 139). Прибыв в Кишинев 21 сентября, он сначала закончил

элегию «Погасло дневное светило...», которую послал брату в письме от 24 сентября. По-видимому, лишь после этого, т. е. не ранее 25 сентября, он вернулся к поэме и работал над нею, с перерывами, до конца года.

Определить с уверенностью, на каком месте Пушкин остановился в Гурзуфе и соответственно с какого продолжил работу в Кишиневе, не представляется возможным. Судя по оттенкам чернил, почерку и характеру записей, в черновике образовался непрерывный, однородный массив текста от л. 11 об. до л. 24 (лицевая сторона) включительно. Верхняя его граница приходится на стык с перебеленным началом поэмы. На последней странице массива, где совершается переход к описанию Кавказа глазами пленника, произошла явная заминка (горный пейзаж по-прежнему не давался поэту — см.: л. 24; Акад. IV, 310 – 311), вызвавшая перерыв, во время которого Пушкин обдумал и составил план продолжения поэмы (л. 24 об.), а затем отвлекся на стихотворение «Дочери Черного Георга (Кара Георгий)» (л. 25–25 об. и 24 об.), помеченное «Кишенев 5 окт.<ябрь>». На обоих стыках менялись чернила, перо и характер письма.

Совокупность всех этих особенностей автографа подсказывает, что наиболее вероятным местом, на котором Пушкин остановился в Гурзуфе, был один из стыков.

С.М. Бонди, усматривавший смену чернил не на л. 24 об., а на лицевой стороне и соответственно конец массива на л. 23 об., где, кстати, внизу страницы стоит росчерк — знак завершения раздела поэмы (ср.: Акад. IV, 310; основной текст — там же, с. 98), считал, что л. 11 об. – 23 об. (от: «В косматых шапках на порогах» до: «Он не хотел вспоминать» — Акад. IV, 289 – 310) были написаны в Гурзуфе, а в Кишиневе, между 21 сентября и 5 октября, лишь не сложившийся набросок описания Кавказа через восприятие героя поэмы (от: «Казалось пленник терпеливый» до: «[Казбек] [Къ] [венец]» — л. 24; Акад. IV, 310 – 311) и план (л. 24 об.).⁴² Однако существуют обстоя-

⁴² Там же. С. 40. Здесь допущены неточности. Исследовательница пишет: «...первые строки черновика поэмы (до стихов «Не вдруг увянет наша младость...» и след.) созданы в очень короткий срок: в конце августа - первых

тельства и признаки, которые вызывают сомнение в справедливости этой гипотезы. Она не учитывает, в частности, того, что в Гурзуфе Пушкин писал, кроме всего прочего, не дошедшие до нас «Замечания на черноморских и донских казаков» (о существовании этого сочинения он сообщил брату сразу по приезде в Кишинев в письме от 24 сентября 1820 г. — Акад. XIII, 18). Написать менее чем за две недели более 300 стихов на 26 страницах и, кроме того, еще «Замечания» (правда, их объем неизвестен) было бы примечательным взлетом творческой активности, который наложил бы свой отпечаток на распорядок дня поэта. Между тем ни в только что упоминавшемся письме к брату, ни в ретроспективном «Отрывке из письма к Д.», ни в записанных П. И. Бартеневым воспоминаниях М. Н. Волконской — нигде не мелькнуло ни единого намека на что-либо подобное, а напротив, все свидетельствует об ином времяпровождении. Наконец, тонкое различие оттенков чернил, воспринимаемое всегда очень субъективно и зависящее от многих факторов как в процессе письма, так и в момент чтения (состояние пера, глубина обмакивания его в чернильницу, помещивание ее содержимого, род освещения, при котором происходит чтение, состояние зрения читающего, его пол и возраст и т. д.), не может служить достаточным и никоим образом единственным аргументом в пользу того или иного предположения. В анализируемой тетради можно указать немало примеров того, как оттенок чернил меняется не только в пределах страницы, но и строки, и даже слова (см. л. 5 и первую строку на л. 11 об.). К тому же, само собою разумеется, резкая смена чернил отнюдь не обязательно происходила после перерыва в работе или ее перенесения в другое место. И во всяком случае, чернила, определенно употреблявшиеся Пушкиным в самые первые дни по приезде в Кишинев (см. л. 7 и письмо к брату от 24 сентября 1820 г. — ПД 1261, л. 6 – 9), более похожи на те,

числах сентября». Двадцать шесть страниц, написанных, согласно Бонди, в Гурзуфе, нельзя назвать «первыми строками черновика»; приводимый стих находится на л. 22 об., так что к «след» отнесены целые две страницы текста, содержащие 24 стиха, не считая зачеркнутых. К сожалению, последняя неточность повторена (со ссылкой на С. Д. Селиванову) в авторитетном справочном издании: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 1. С. 494–495.

которыми заполнена первая страница «основного черновика» (л. 11 об.), нежели на те, которыми, по мнению Бонди, Пушкин продолжил черновик поэмы в Кишиневе (л. 24).

Возражения против гипотезы о гурзуфском происхождении л. 11 об.–23 об., хотя и веские в своей совокупности, не достаточны, однако, чтобы признать ее опровергнутой. То же справедливо и в отношении альтернативы, согласно которой в Гурзуфе Пушкин остановился на перебеленных сорока пяти стихах и вернулся к поэме уже в Кишиневе. Таким образом, приходится констатировать, что на рассматриваемый вопрос нельзя дать категорического, однозначного ответа. Впрочем, за рамками творческой истории «Кавказского пленника» он имеет практическое приложение лишь к датировке непонятного подсчета на л. 12⁴³ и небольшого зачеркнутого фрагмента на л. 13:

[Жуковской,
[Как ты шалишь и как ты мил]
[Тебя хвалить тебя порочить] —

(Акад. II, 467)

Эти три аккуратные строки вверх страницы, предназначавшиеся, возможно, для какого-то задумывавшегося стихотворного послания,⁴⁴ родились, судя по чернилам, в процессе работы на л. 12. Как побочные, мелькнувшие в голове заготовки Пушкин их записал на ближайшей свободной странице; когда же подошла к концу ей предшествующая (л. 12 об.), где последней строкой написан стих «Открыл он очи и с трудом», продолжение («С невольным стоном приподнялся») было размещено между строк тогда же зачеркнутого фрагмента, кото-

⁴³ «35
28

7» Опубликовано (с неверным указанием листа) в числе «не имеющих толкования» «Помет в рабочих тетрадях Пушкина», в кн.: *Дубровский А В и др. Творческие и биографические пометы в рукописях А. С. Пушкина*. СПб., 1997. С. 61 (Неизданный Пушкин. Вып. 2).

⁴⁴ Стих «Как ты шалишь и как ты мил» использован в стихотворении «К Языкову» («Языков, кто тебе внушил...», 1826).

рый, следовательно, можно датировать двойко: или около (не ранее) 25 августа (если принять гипотезу Бонди), или двадцатыми числами (видимо, около и не ранее 25) сентября 1820 г.

С какого бы места Пушкин ни возобновил работу над «Кавказским пленником» в Кишиневе: с л. 11 об. или л. 24, — он до этого возвращался к первым заполненным в Гурзуфе карандашом листам и поверх уже имевшихся на них рисунков и текстов записал несколько стихотворений, двигаясь, вероятно, как и ранее, в прямой последовательности.⁴⁵

Первым, должно быть в промежутке между концом августа и 20 сентября 1820 г., был написан черновик элегии «Увы! зачем она блистает...»,⁴⁶ от которого сохранились обрывки на

⁴⁵ О причинах выбора Пушкиным для работы листов, на которых находились карандашные тексты и рисунки, см.: Рак В. Д. «Гурзуфские» листы рабочей тетради ПД 830. С. 142–144. Одной из них могло быть нежелание разрывать текст поэмы не относящимися к ней вкраплениями. Но поскольку с небрежно написанным черновиком Пушкин так поступил едва ли не в самом начале (л. 13), то избегать посторонних записей он мог, по-видимому, лишь до тех пор, пока в тетради находился только аккуратно перебеленный текст. Иначе говоря, коль скоро записи поверх карандашного слоя были сделаны до возобновления работы над поэмой в Кишиневе, то появляется еще один (к сожалению, косвенный и не выходящий за рамки догадки) аргумент в пользу предположения о том, что в Гурзуфе Пушкин не продвинулся далее перебеливания имевшихся у него набросков.

⁴⁶ Иную датировку предложила В.Б.Сандомирская. Считая записанный на л.7 набросок:

В забвеньи чист<ом> <?> насладись —
Наслушайся речей волшебных —
Красы небесной наглядись

— «более ранним этапом» создания элегии «Увы! зачем она блистает...» и датировав его убедительно 20 – 24 сентября 1820 г., исследовательница к этим числам отнесла и рождение замысла стихотворения (см.: Сандомирская В. Б. О первом наброске стихотворения «Увы! зачем она блистает». С.137–139), хотя в другом месте той же статьи утверждала, что дата «1820. Юрзуф» является датой замысла и создания элегии (Там же. С. 136). Из этого следует, что черновик элегии был написан между началом двадцатых чисел сентября 1820 г. и 8 февраля 1821 г. (датой на л. 4 под беловым автографом). Однако связь между наброском и элегией представляется очень спорной (см.: Рак В. Д. «Гурзуфские» листы рабочей тетради ПД 830. С. 146–149), и как следствие этого возможна и другая датировка.

корешке вырванного листа (л. 4а). Более точная датировка этого автографа невозможна, так как пометы «Юрзуф» в первой белой редакции (л. 4 об.) и «1820 Юрзуф» во второй (ПД 833, л. 3) обозначают, как вытекает из наблюдений В.Б.Сандомирской,⁴⁷ не время, когда стихотворение было создано, а место, с которым соотносится его лирическое содержание и где родился его замысел. К этой элегии Пушкин возвратится через несколько месяцев, в Киеве, и на развороте с черновиком, слева, где давно оставалась чистая страница (л. 4 об.), а далее с переходом в обратном направлении на лицевую сторону (л. 4), где под выпискою из Данте тоже было незаполненное пространство, напишет первую беловую редакцию. Произойдет это, согласно пометам под нею, 8 и 9 февраля 1821 г.

20 сентября, согласно послетекстовой помете,⁴⁸ была написана в тетради элегия «Мне вас не жаль, года весны моей...» (л. 5), и тогда же на том же листе — цитата из неустановленной французской песенки: «L'amant que j'adore...».⁴⁹ В этот день Пушкин выехал из Одессы в Кишинев.

К 24 сентября была завершена работа над элегией «Погасло дневное светило...», начатая в «чернильном» варианте, видимо, не позднее 21 сентября, а может быть и ранее.⁵⁰ В тетради сохранился черновой набросок стихов 33–38 (л. 7).

Около 24 сентября, после элегии «Погасло дневное светило...», был на том же листе записан набросок «В забвеньи чистом насладись...».

Отправив брату письмо, к которому была приложена перебеленная элегия, Пушкин вернулся к поэме. Если принять гипотезу Бонди, то из нее вытекает, что вдохновение к поэту долго не приходило и он застрял на том самом листе (л. 24), с которого возобновил работу. Согласно альтернативному предположению, после 24 сентября Пушкин исписал черновиком на едином порыве 25 страниц тетради и остановился лишь дойдя

⁴⁷ Сандомирская В. Б. Указ. соч. С. 136.

⁴⁸ О чтении этой пометы см.: Там же. С. 138.

⁴⁹ Впервые напечатано: Рукописи Пушкина в собрании Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде. С. 20.

⁵⁰ О датировке см.: Сандомирская В. Б. Указ. соч. С. 139.

до л. 24. Так или иначе, при любом из этих двух раскладов, именно на этом листе около (до) 5 октября случилась заминка. В это время Пушкин ощутил необходимость привести в порядок свои мысли и продумать дальнейшее развитие сюжета.

В результате на л. 24 об. появился план (Акад. IV, 285), и в процессе записи он претерпел существенные изменения. Так, первоначально в нем значился пункт «Девы», предполагавший, вероятно, некую общую этнографическую зарисовку, которая продолжала бы пункты «Песни», «Игры», «Черкес», т. е. картины быта горского народа. Исправив множественное число на единственное, Пушкин кардинально изменил содержание пункта: в этом варианте развивался намеченный на предыдущих страницах отрывочными набросками мотив любви молодой черкешенки к пленнику. Далее последовало «Воспоминанье», а строкою ниже Пушкин начал записывать пункт «Проща<нье>», но, не окончив слова и зачеркнув его, рядом стал намечать новый эпизод «Портр<ет>». Что имелось в виду, возможны разные догадки; например, у пленника мог оказаться медальон с «образом девы милой», которая и в черновой, и в белой редакциях ему является в видениях «чудным призраком» (л. 35 об.–36; Акад. IV, 328–329; в основном тексте: ч. II, ст. 82–91). Опять же не дописав слова, Пушкин отказался от этого пункта и вернулся к «Прощанье», под которым поставил завершающий спиральный росчерк. Очевидно, на этой стадии после исповеди героя, поняв безнадежность своей любви, черкешенка помогала ему бежать.

Закончив план, Пушкин, вероятно, прошел по нему глазами еще раз и решил уточнить обстоятельства, при которых совершилось бы освобождение из плена. Дополнять он начал слева от исключенной строки «[Проща<нье>] [Портр<ет>]», но, не дописав второй буквы (вследствие чего получилось нерасшифровываемое «Но», вместо понятного «На<падение>»), перенес приписку вправо от основного столбца, и, когда она была сделана, последними пунктами стали:

Воспоминанье —
 Нападение —
 [война]
 Прощанье
 Побег —

В этом плане явственно проступают сюжетные контуры основного текста «Кавказского пленника», начиная приблизительно с 201-го стиха первой части. Не совсем ясен, однако, пункт «Нападение / [война]». И в более позднем плане (л. 39 об.; Акад. IV, 286), и в черновых набросках (л. 40 об., 41; Акад. IV, 334, 335), и в основном тексте (ч. II, стих 178) говорится о *набеге*, в который отправляются «дикие питомцы брани». По-видимому, «Нападение» и должно было означать «набег», но самого этого слова Пушкин еще не нашел. Однако нельзя исключать вероятности того, что в первом варианте приписки предполагалось нападение русских войск (или казаков) на черкесов, сражение между ними («война»), во время которого, пользуясь суматохою и отсутствием надзора, пленник должен был бежать, в чем ему помогла бы черкешенка («Прощанье»).

Слева от спирального росчерка, т. е. после того как план был составлен по крайней мере в первом варианте, Пушкин расположил другой столбец из 9 пунктов, которые Бонди определил как «План начала поэмы» (Акад. IV, 285). Действительно, последовательность обозначенных в нем эпизодов соответствует в основном уже написанному тексту и выглядит наметкою, как соединить в связное целое имеющиеся наброски.⁵¹ Начало поэмы остается еще прежним, но первый пункт этого плана: «Черкес» — образует параллель так же сформулированному пункту предыдущего, а позднее строки «Ждет <?>» и «Бой» войдут в набросок на л. 59 об. «[Нередко он в глуши] таится» (Акад. IV, 315), написанный уже после того, как в плане на л. 39 об. начало поэмы станет другим. Набросок явится основой стихов 257–263 первой части, продолжив описание вооруженного черкеса и притянув к себе для эпизодов «Ждет» и «Бег» ряд стихов из бывшего начала. Таким образом, первые четыре пункта «Плана начала поэмы» как бы предвосхищают и детализацию пункта «Черкес» в верхнем столбике.

⁵¹ Неясным остается предпоследний пункт. С. М. Бонди прочел его «Хата» (Акад. IV, 285), а С. А. Фомичев «Хар<актер> <?>». Второе чтение кажется предпочтительнее, но не бесспорно; для обоих может быть найдено соответствие в тексте.

Обдумав планы поэмы, Пушкин от нее отвлекся и 5 октября на л. 25–25 об. записал белой текст стихотворения «Дочери Карагеоргия», которое назвал первоначально «Дочери Черного Георга (Кара Георгий)», а затем показав надписанными цифрами «2» и «1» перестановку слов, изменил заглавие на «Дочери Георга Черного (Кара Георгий)» и в этой тетради на нем остановился. Несколько строк поэта не удовлетворили, и он испещрил их многослойной правкой, перешедшей и на предыдущую страницу (л. 24 об.), где внизу, под планами, приблизительно треть оставалась чистой.

Затем (очевидно, уже после 5 октября) Пушкин приступил к реализации плана и в процессе сочинения, с самого начала, неоднократно отступал от его последовательности, создавая не связный текст, а часто лишь фрагменты, которые предполагал затем в него соединить. Стихи на л. 26 («Порою вечера ненастной ~ Под влажной буркою сидел» — Акад. IV, 311–312) соответствуют первому пункту («Буря — Бешту»). На обороте следуют строки, предваряющие и вводящие картины горского быта («Но больше русского вниманье ~ И легкость ног и силу длани» — Акад. IV, 312–313), но переходят они не в намеченные планом «Песни» или «Игры», а, минуя их, сразу в описание черкеса («Смотрел по целым он часам ~ Летел к набегам приучаясь» — Акад. IV, 312–313). Последней процитированной строкой Пушкин дошел до конца л. 26 об. и, открывая л. 27, намеревался от изображения черкеса на коне перейти к внешности, одежде и военным доспехам горцев, но, когда написал начало верхней строки: «Он любовался», ему на какое-то мгновение, видимо, показалось, что здесь естественно будет вернуться к пропущенному пункту «Игры», и, зачеркнув верхнюю строку, он написал вторую: «Любил их игры» (Акад. IV, 313, сноска ба). Однако по этому руслу перо не пошло, а сразу возвратилось в старое, продолжив портрет черкеса, который, в дополнение к первоначальным стихам на л. 26 об., занял еще полностью лицевую страницу л. 27 и верхнюю четверть оборотной («Он любовался красотой ~ Непобедимый, непреклонный» — Акад. IV, 313–314). Отсутствие каких-либо помет, которые связали бы эту зарисовку с рассказом о засаде, пленении путника и скачке с влекомой на аркане добычей, яв-

ляется признаком того, что написанное в Гурзуфе начало поэмы еще не дезинтегрировалось и оставалось в творческом сознании автора прежним.

Завершив описание черкеса, Пушкин обратился наконец к играм горских юношей («Бывало в светлый Рамазан ~ Сражаются в облаках орлов» — л. 27 об.; Акад. IV, 314). Сверху и снизу этот фрагмент отчеркнут, что могло означать его перенос в другое место, но в основном тексте никакой перестановки не произойдет и будет сохранена последовательность чернового.

Далее воображение поэта было увлечено какими-то ассоциациями далеко вперед, и внизу страницы он сделал заготовку на будущее — к признанию пленника черкешенке («Как тяжко мертвыми устами ~ Упав на перси к <ней> головой» — л. 27 об.; Акад. IV, 329;⁵² ср. основной текст: ч. II, ст. 68–75). Попутно на левом поле набрасывается рисунок, похожий на изображение костюма горянки.⁵³

Между л. 27 и 28 вырваны три листа. Когда их Пушкин изъял, чистыми ли для какой-то цели либо заполненными (а в этом случае зачем и почему), установить невозможно, как и то, прерывалась ли в этом месте работа над «Кавказским пленником». Но и без ответа на этот вопрос очевидно, что гладкое, последовательное ее течение на какое-то время нарушилось. После неожиданного забегания вперед Пушкин, даже если не отвлекался от поэмы, а вырвал листы когда-то раньше, совершил еще более неожиданный глубокий экскурс назад, к четвертой главке, занявшись на л. 28 переработкой ее начальных строк (Акад. IV, 316, под редакторским обозначением «Наброски нового начала поэмы»). В основной редакции этот фрагмент передвинется в конец поэмы, где станет введением к эпизоду «Побег» (ч. II, ст. 214–221); но об исходном его назначении заменить стихи на л. 11 (от: «На темной синеве небес» и до конца страницы) говорит обычная для Пушкина в подобных случаях помета («В своем ауле и проч.») и включение в него в переработанном виде двух строк раннего текста.

⁵² Здесь ошибочно указано, что фрагмент находится на л. 36 об. и 37.

⁵³ В полистном описании рисунок определен как «нижняя половина туловища в черкесском костюме» (Раб. тетр. С. 51).

Бессистемные перескоки с одной темы на другую, вызванные, очень вероятно, хотя и не обязательно, какими-то творческими затруднениями, или поисками, или обдумыванием, кончились очередным перерывом в работе над поэмой, во время которого Пушкин сочинил в черновом виде надпись «К портрету Вяземского» («Судьба свои дары явить желала в нем...») (л. 28) и знаменитую «Черную шаль» (л. 28 об.–29). Оба стихотворения датируются традиционно и бесспорно октябрём 1820 г. (см.: Акад. II, 1081–1082); можно попытаться определить несколько точнее время, когда Пушкин находился на этих страницах.

Вспоминая встречу с Пушкиным 2 ноября 1820 г., на следующий день после состоявшегося в кишиневском театре знакомства, В. П. Горчаков писал: «В это утро много было говорено о так названной Пушкиным Молдавской песне „Черная шаль“, на днях им только написанной. Не зная самой песни, я не мог участвовать в разговоре; Пушкин это заметил и по просьбе моей и <Ф. Ф.> Орлова обещал мне прочесть ее; но, повторив вразрыв некоторые строфы, вдруг схватил рапиру и начал играть ею <...> Я снова попросил Пушкина прочесть мне Молдавскую песню. Пушкин охотно согласился, бросил рапиру и начал читать с большим воодушевлением; каждая строфа занимала его, и, казалось, он вполне был доволен своим новорожденным творением. При этом я не могу не вспомнить одно мое придирчивое замечание: как же, заметил я, вы говорите: „в глазах потемнело, я весь изнемог“, и потом: „вхожу в отдаленный покой“». ⁵⁴ Сообщение о том, что «Молдавская песня» была написана за несколько дней до 2 ноября, т.е. в последних числах октября, подтверждается описываемой в этом же пассаже манерой декламации Пушкина, который наслаждался каждым прочтенным вслух двустишием, что было естественной реакцией, если стихотворение, действительно, было только что написано. Примечательно, что Горчаков цитирует текст, в котором приведенный им ст. 17 чи-

⁵⁴ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 241 – 242. «Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина» (Т. 1. С. 219) датирует этот эпизод, вместе с другими, интервалом «Ноябрь 2 . . . 7»

тался так же, как и в двух прижизненных публикациях: «Вхожу в отдаленный покой я один» (Акад. II, 634). ⁵⁵ Этот же текст цитируется и в рассказе о встрече 8 ноября Пушкина с М. Ф. Орловым: «Вошел Пушкин, генерал его обнял и начал декламировать: „Когда легковерен и молод я был“ — и пр.» ⁵⁶ Вызывает, естественно сомнение, можно ли доверять цитатам в воспоминаниях, написанных почти три десятилетия спустя после событий, о которых идет речь; мемуарист, подвергший свои давние дневниковые записи существенной переработке, ⁵⁷ мог держать перед собою на столе для справок том стихотворений Пушкина. Так оно и было на самом деле. Стихотворения «Виноград» («Не стану я жалеть о розах...»), «Чедаеву» («К чему холодные сомненья...»), «О дева роза, я в оковах...» Горчаков упоминает и цитирует, рассказывая об осени 1820 года, ⁵⁸ в то время как написаны они были в 1824 г. Совершенно очевидно, что он опирался на одно из прижизненных изданий «Стихотворений Александра Пушкина» (1826 или 1829), где эти стихотворения были самым автором отнесены к 1820 г. Пояснение Горчакова о том, что «Послание Чаадаеву» (так в мемуарах!) было написано «с морского берега Тавриды», воспроизводит мистифицирующую помету, напечатанную в этих сборниках; отсюда же взято и заглавие «Подражание турецкой песне», которым названо в воспоминаниях стихотворение «О дева роза, я в оковах...». Однако, если бы Горчаков держал перед глазами печатный текст «Черной шали», когда писал о своем первом знакомстве с нею, он не допустил бы разночтения, цитируя 16-й стих (у Пушкина: «Глаза потемнели, я весь изнемог»); значит, он справлялся со своим дневником, где был записан эпизод обсуждения с Пушкиным двух строк, а может быть, и само стихотворение в том виде, как

⁵⁵ Так в «Сыне отечества» и «Стихотворениях А. Пушкина» 1826 года В беловом автографе (ПД 885), «Благонамеренном» и «Стихотворениях А. Пушкина» 1829 г.: «В покой отдаленный вхожу я один». В черновой редакции: «В покой отдаленный вошел я один» (л. 29; Акад. II, 632).

⁵⁶ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 243. В черновике: «В то время как м<олод> и счастлив я был» (ПД 830, л. 28 об.; Акад. II, 631).

⁵⁷ См.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников Т. 1. С. 507.

⁵⁸ Там же. С. 263.

оно распространялось по Кишиневу и далее в первые дни ноября 1820 г.⁵⁹

Итак, если верить Горчакову (а точное указание даты и особенности цитирования к этому располагают), в последних числах октября 1820 г. существовал промежуточный между черновой и белой редакциями, близкий к последней текст, который Пушкин читал в кругу знакомых и который, распространяясь устно и в списках, претерпевал неизбежные искажения. Если далее принять, что между этим промежуточным текстом и ему предшествовавшей черновой редакцией прошло хотя бы несколько дней, то ее создание сдвинется к началу двадцатых чисел. С другой стороны, если 25 страниц черновика поэмы (л. 11 об.–23 об.) Пушкин написал — безразлично в Гурзуфе или Кишиневе — не более (а реально, конечно, менее) чем за 13 дней, то подобные же, судя по почерку, характеру и объему зачеркиваний, а также другим исправлениям, пять страниц (л. 26–28) между стихотворением «Дочери Георга Черного» (5 октября) и надписью к портрету Вяземского, за которой в тетради следует «Черная шаль», были, по всей вероятности, заполнены не позднее числа десятого – двенадцатого.⁶⁰ Таким образом, получается, что черновые редакции этих двух стихотворений были написаны предположительно между 10 и 20–25 октября.

На следующей за «Черной шалью» странице Пушкин продолжил черновик «Кавказского пленника», отвлекаясь временами на разные мелкие рисунки, связь которых с текстом еще предстоит выяснить. Шесть страниц (л. 29 об.–32) написаны прежними почерком и чернилами, из чего можно с уверенностью заключить, что работа на них велась в Кишиневе. На л. 32 об.

⁵⁹ У Горчакова определенно был список того времени (то ли в дневнике, то ли на отдельном листке, неизвестно), на основании которого он и сделал любопытное, но, к сожалению, никак не проверяемое примечание о том, что «при первом появлении» стихотворение начиналось «прямо рассказом “Когда легковверен и молод я был” — и проч» (Там же С 242)

⁶⁰ С М Бонди датировал эти страницы второй половиной октября 1820 г «Основанием к этому служит помещенный на л. 28 и 29 черновик стихотворения “Черная шаль”, отнесенный к октябрю 1820 г» (Селиванова С Д Указ соч С 40)

однородный характер записей резко нарушается. Чернила сменяются карандашом, которым был набросан очередной фрагмент («Невинный друг, зачем не прежде ~ В те дни — я» — л. 32 об.–33; Акад. IV, 323). Затем, оставив почти три четверти лицевой стороны л. 33 чистой, Пушкин перевернул лист и на обороте стал писать уже другим пером, почерком и чернилами, причем начал с того, что ревизовал текст, оставшийся на предшествовавших четырех страницах (двух заполненных чернилами и следующих за ними двух — карандашом) в недоработанных фрагментах («Прекрасный друг — твоей любви ~ [Дремало] в милом заблуждении» и «Я наслаждался — блеск и шум ~ В те дни — я» — л. 31 об.–33, Акад. IV, 321–323). Ранее написанные фрагменты и строки, его удовлетворившие, он переносил в сокращенном виде, обозначая их начальными элементами, а между ними помещал создаваемые заново стихи («Несчастный друг, твоей любви ~ К иному счастью призывало» — л. 33 об.; Акад. IV, 323–324). Эти переходы от одних письменных принадлежностей к другим, различие почерков и пересмотр написанных ранее страниц как раз в момент последней смены карандаша на чернила подсказывают предположение о каких-то помехах и сбоях в прежде стабильных, постоянных условиях работы, отражавшихся до тех пор в однородном характере записей. Если оно верно, то наиболее вероятно, что возмущающим фактором стал переезд из Кишинева в Каменку, состоявшийся где-то в интервале 15–22 ноября.⁶¹ В этом случае последние шесть «кишиневских» страниц (л. 29 об.–32) заполнились во второй половине (или конце) октября – первой половине ноября 1820 г., и столь широкие рамки, в которых возможна их датировка, являются верным признаком того, что в силу каких-то обстоятельств работа над «Кавказским пленником» в октябре–ноябре сильно замедлилась.⁶²

⁶¹ Летопись жизни и творчества А С Пушкина Т 1 С 221–222

⁶² С М Бонди датировал эти страницы концом октября – началом ноября, до отъезда в Каменку (см Селиванова С Д Указ соч С 40, в их числе исследовательница не указала лицевую сторону л. 32, утверждая далее ошибочно, что она заполнена карандашом) Таким образом, между 5 октября и 15 ноября Пушкин написал всего 11 страниц чернового текста «Кавказского пленника», и как бы ни распределялись они по частям внутри этого интервала, вывод относительно замедления темпов работы над поэмой остается действительным

В содержательном отношении Пушкин вернулся, после «Черной шали», к своему плану и приступил к пункту «Воспоминанье», занявшему две страницы («[В невольны] думы погруженный ~ С нелицемерно <?> хвалой» — л. 29 об.–30; Акад. IV, 317–318), а затем в Кишиневе начал и в Каменке продолжил пункт «Дева» (от: «[Но] ты [сгораешь, дева гор]» — л. 30 об. и след.; Акад. IV, 318 и след.). В плане эти пункты расположены в обратной последовательности («Дева» предшествует «Воспоминанью» — л. 24 об.; Акад. IV, 285), однако запись отражает тот ход мысли, который выстраивался на самом первом этапе, когда существовал пункт «Девы», подразумевавший, как говорилось выше, одну из этнографических зарисовок. Не исключена вероятность того, что эта формулировка сохранялась и тогда, когда на той же странице составлялся другой план, охватывавший уже написанный текст и содержащий пункт «Дева» (л. 24 об.; Акад. IV, 285), а изменено слово «Девы» на «Дева» было позже — может быть, тогда, когда черновик приближался или даже вплотную подошел к этому пункту. Если бы это было сделано много ранее, то следовало бы ожидать, что перемена пунктов местами была бы как-нибудь обозначена. Коль скоро рядом с ними не проставлено никаких указаний подобного рода, то есть основание предположить, что, написав в черновом виде пункты «Черкес» и «Игры», а «Песни» опустив по каким-то соображениям,⁶³ Пушкин решил отказаться почему-то также от пункта «Девы» и, переправив последнюю букву, придал ему новое содержание, определившее и его новое место в плане, помечать которое не было необходимости, потому что не требовалось долго это держать в голове и, следовательно, не было опасности забыть.

Изменение формы слова не было, кажется, связано с коррективами сюжетной линии. Вновь появившийся пункт мыслился, очевидно, лишь подразделом той части поэмы, которая была обозначена «Воспоминанье». По крайней мере, в более

⁶³ Сомнения Пушкина в отношении этого пункта выдает дальнейшее развитие текста поэмы: в первом беловом автографе этот эпизод был досочинен и помещен после эпизода, соответствующего пункту «Игры» (ПД 831, л. 10–10 об.; Акад. IV, 355–356), но вычеркнут и, за исключением нескольких строк, посвященных собственно черкесам, перенесен в Эпилог.

позднем плане (л. 39 об.) пункт «Дева» на этом месте отсутствует, а соответствовавшие ему в черновике призывные речи влюбленной горянки и ответную исповедь пленника вобрал в себя, видимо, пункт «Воспоминанья» — как и в первом плане до изменения пункта «Девы».

Выстроив на л. 33 об. новую композицию начала исповедных воспоминаний героя, Пушкин их продолжил, и на нескольких страницах, до конца монолога пленника («Услышал я неверный <зов> ~ Тебя мне страшно обма<ну>ть» — л. 33 об.–36; Акад. IV, 325–329), записи опять становятся однородными по чернилам и почерку, но вместе с тем несут следы того, что поэма продвигалась с немалыми творческими усилиями и затруднениями. Не складывался и остался в фрагментарном состоянии текст на л. 34 об. («Она мне враг — одни <мученья> <?> ~ На [душу] мрачную м<ою>») — Акад. IV, 326); здесь многие стихи зияют пробелами. Большого труда стоил и фрагмент на следующей странице («Оставь же мне мои железы ~ Младое <сердце> обмануть» — л. 35; Акад. IV, 327); перепробовав множество вариантов, Пушкин из восьми стихов так и не завершил три. После этого он вернулся назад к тому месту, откуда продолжался монолог юноши («Я полюбил — и сны молодые» — л. 34; Акад. IV, 325), и, начиная с него, стал перерабатывать все вновь написанное (до: «Младое <сердце> обмануть» — л. 35; Акад. IV, 327) в поисках нового варианта («Я полюбил — ужасный час ~ Тебя мне страшно обма<ну>ть» — л. 35 об.–36; Акад. IV, 327–329).

В противоположность этим фрагментам, густо испещренным зачеркиваниями начатых и отвергнутых вариантов, с большим числом незавершенных стихов, следующие далее строки («Умолкнул он — без слез рыдая ~ Не зная сердца твоего...») — л. 36 об.; Акад. IV, 330), в которых описывается состояние девушки, выслушавшей «горькое признание» (л. 36; Акад. IV, 329) любимого ею «Русского», написаны аккуратно, со сравнительно небольшими поправками, как если бы это был не первично сочиняемый текст, а перебеляемый с какого-то записанного в ином месте. Однако продолжение «печальной речи» (ч. II, ст. 110) девушки несет явные признаки серьезной заминки. Пушкин много бился над четырьмя стихами («[Не долго дева зна-

ла] счастье ~ Увяла я во цвете лет....» — л. 36 об.; Акад. IV, 330), но лишь последний сохранил целым, а от трех оставил только рифмующиеся концы.

Работа над этим фрагментом продолжилась на л. 37, где записаны еще три его варианта в сочетании с двумя рисунками каких-то домиков или беседки и домика. Верхний сделан чернилами по уже имевшимся записям, нижний — карандашом, причем по нему написана последняя на странице строка текста. На следующей странице (л. 37 об.) последний из четырех расположенных на ней стихов также проходит поверх рисунков. Эти особенности, вкупе с нюансами содержания отработывавшихся здесь вариантов, позволяют строить предположения о последовательности заполнения л. 37 и 38.

Прикинув еще два варианта («[Увы!] пора моя прошла ~ [Узнала] дева сладострастье» — л. 37; Акад. IV, 330–331) строк, не получившихся на л. 36 об., Пушкин остановился, поменял перо на карандаш и внизу страницы, под текстом, нарисовал домик, а на обороте несколько профилей, о которых не высказано пока никаких предположений. Попутно родился и был здесь же (л. 37 об.) записан стих,⁶⁴ который немного позже разовьется в набросок «Когда в листах воспоминанья» (л. 39; Акад. II, 467). Тем самым наметилась, кажется, ассоциативная цепочка от воспоминаний пленника и его «милого виденья» (л. 36; Акад. IV, 329) к личным воспоминаниям поэта, которые не могли не возвращать его к счастливым дням, проведенным в Гурзуфе. Подталкивать его мысли в этом направлении должно было, конечно, и ежедневное общение с приехавшими в Каменку отцом и сыном Н. Н. и А. Н. Раевскими. Поэтому естественным было появление на л. 38 навеянных гурзуфскими впечатлениями стихов («Я помню край — роскошная природа

⁶⁴ Чтение Т. И. Краснобородько: «Нашед <?> меня в листах воспоминанья» (Раб. тетр. С. 52). Это чтение, в котором первые два слова небесспорны и, может быть, со временем будут уточнены, принято в новом академическом издании, где квалифицируется в текстологической «легенде» как «черновой набросок ст. 1 поздней редакции» лицейского стихотворения «Когда погаснут дни мечтанья...», получившего в поздней редакции заглавие «В альбом» («Пройдет любовь, уйдут желанья...»). См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб.: Наука, 1999. Т. 1. С. 406, 761.

~ И страшных <?> скал <пропуск> своды» — Акад. XVII, 18), явившихся первым черновым наброском стихотворения «Кто видел край, где роскошь природы...». Однако к этому моменту крымская тема еще у Пушкина не созрела, и, находясь лишь на подступах к ней, он, как только иссяк вызванный ею кратковременный творческий всплеск, не стал искать продолжения, а подвел под наброском черту и тем же карандашом — может быть, и на том же порыве — принялся вновь работать над брошенным в незавершенном состоянии ответом черкешенки. Первые вариации на уже опробованные мотивы недолгого счастья и познанного в объятиях пленника сладострастия не дали удовлетворительного результата («Недолго дева знала счастье ~ Не долго дева отдыхала» — л. 38; Акад. IV, 331), и в какой-то момент, продвинувшись в своем поиске дальше, Пушкин, отказываясь от этих строк, нарисовал по ним два профиля, остающихся пока не идентифицированными. Ниже, к концу страницы, начал определяться приемлемый вариант («Не долго на груди твоей ~ Счастливый <?> друг <?>, я знала радость» — л. 38; Акад. IV, 331–332), а на обороте две строки выпились на бумагу даже без всякой правки («Ты был не в силах обмануть / Мою неопытную младость» — л. 38 об.; Акад. IV, 332). На последнем из этих стихов Пушкин отложил карандаш и пером, по-прежнему с маской зачеркиваний и отдельными незавершенными стихами, закончил черне сцену объяснения между черкешенкой и пленником («Скажи, конечно — ты любим!... ~ Растопчет мой безвестный прах» — л. 38 об. – 39; Акад. IV, 332–333). Работа над текстом на л. 38 об. перемежается, как и на предыдущих страницах, с рисунками. Изображенные здесь три профиля (два женских и один мужской) исследовательница пушкинской графики Л. А. Краваль датировала, не понятно на каких основаниях, весной 1821 г. и связала их с замыслом «Бахчисарайского фонтана»: «Мария изображена с чертами Софьи Потоцкой, Зарема похожа на Каролину Собаньскую, а Гирей — на татарку Анну, ну как бы родной брат ее».⁶⁵ Обсуждать эти атрибуции бессмыс-

⁶⁵ Краваль Л. А. Рисунки Пушкина как графический дневник. М., 1997. С. 142, 158, 489. Ср.: Жуикова Р. Г. Указ. соч. № 891, 907, со ссылкой на статью: Краваль Л. А. «Милый Демон»: Портреты Каролины Собаньской в рисунках Пушкина // Волга. 1991. № 6. С. 175–176.

ленно, поскольку текст проходит местами *поверх* этих рисунков, которые, следовательно, появились в тетради в 1820 г. — тогда, когда знакомство с Собаньской еще не состоялось.

По-видимому, в какой-то момент работы на этих страницах Пушкин почувствовал, что в устах впервые познавшей любовь юной черкешенки неестественно звучат слова «Ты был не в силах обмануть / Мою неопытную младость». Решив их изменить, он стал, вероятно, просматривать ранние варианты на предыдущих страницах. Попутно *поверх* окончательно забракованных им строк на л. 37 («Как быстро улетело счастье ~ [Прошла пора] исчезло время» — Акад. IV, 331) он нарисовал чернилами домик (беседку?) с кустами, а на оставшемся незаполненным пространстве между двумя рисунками набросал новый вариант («[Моя] неопытн<ая> младость ~ [Красу] <пропуск> [чуждых] стран <?> / <пропуск> дева» — Акад. IV, 331), у которого последняя, незавершенная строка и слово «дева» написаны *поверх* карандашного рисунка. Не удовлетворенный и этими стихами, Пушкин перевернул лист и на чистом месте *наверху* страницы, над женским профилем, принялся отрабатывать еще один вариант («[Теряю] — рано жизни сладость ~ Ты мог бы, [пленник] обмануть / Мою <нрзб.>»⁶⁶ — л. 37 об.; Акад. IV, 331), который и лег в основу белого текста (ПД 831, л. 14 об.; Акад. IV, 107). Последняя строка этой записи прошла по верхней части нарисованного здесь ранее карандашом женского профиля.

Заполнение лицевой стороны л. 39 также проходило с некоторыми особенностями. Написав стих «Растопчет мой безвестный прах», Пушкин не закончил работу над фрагментом; но поскольку текст уже подвергся обильной правке и не вмещал новой, то прикидка изменений производилась ниже, где она образовала три строки. Последняя из них имеет следующий вид:

Родился Чеченца конь — [вскоре]

(Акад. IV, 333, сн. 8а, 6в)

⁶⁶ Чтение Бонди: неопытную младость.

Слово «Родился» отличается от других почерком.⁶⁷ Ниже, под двумя конечными буквами слова «конь» и под тире, густо замазано какое-то слово, и вместо него в промежутке между «конь» и «вскоре», под тире, начато вписыванием «забв<енный> <?>» (Акад. IV, 333, сн. 7). Под всем этим проведена итоговая черта, ниже которой находится строка:

[И он] <пропуск> [вестник] [избавленья] — ⁶⁸

Заканчивается страница наброском «Когда в листах воспоминанья...» (Акад. II, 467), под которым нарисован сложный, причудливый завершающий росчерк, похожий на устремляющуюся вверх птицу.⁶⁹

Ключом к предположительной реконструкции заполнения этой страницы может служить, кажется, положение глагола «Родился». Не имеющее никаких соответствий в находящихся выше и рядом черновых стихах поэмы и написанное другим пером пером, это слово, явно чужеродное в строке, где оно стоит, представляет собою, по-видимому, осколок какого-то начатого, но не получившего развития наброска, который, может быть, и не был связан с «Кавказским пленником». Сомнительна, хотя и не исключается категорически, его связь со строкою «[И он] <пропуск> [вестник] [избавленья]», поскольку неодинаков их отступ от левого края страницы. Судя по этим деталям, слово «Родился» было написано ранее строки «Чеченца конь — [вскоре]» и двух ей предшествующих, которые составляют одновременный с нею слой правки расположенного выше текста. Исходя из этого, выстраивается следующий вероятный ход работы на странице. На стихе «Растопчет мой безвестный прах» Пушкин сделал перерыв, после которого, спустившись ниже и оставив некоторый пробел (резервное место для дальнейшей правки?), начал другим пером новую стро-

⁶⁷ Чернила тоже кажутся несколько иного оттенка, но он неоднократно проглядывает на той же странице в тексте выше, так что если письменные принадлежности менялись, то это коснулось, наверное, только пера.

⁶⁸ «И» исправлено из первоначального «но <?>». Над «[вестник]» надписано «[И]», а над «[избавленья]» — неразборчивое слово, которое Бонди прочел предположительно «смерти» (Акад. IV, 333, сн. 8 б, в, г, д).

⁶⁹ Опубликовано: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 19 т. М.: Воскресенье, 1996. Т. 18. Рисунки. С. 312.

ку: «Родился». Тут же, однако, бросив зарождавшийся у него в голове стих, но рассчитывая, возможно, к нему вернуться позднее, он сдвинулся еще ниже, оставив второй пробел, и, отступив несколько далее от левого края, написал: «И он <пропуск> вестник избавленья —». Последовавшая сразу же правка оказалась безрезультатной, так что незачеркнутым осталось лишь одно слово. В это время какие-то ассоциации напомнили Пушкину записанный ранее карандашом на л. 37 об. отдельный стих,⁷⁰ из него теперь вырос набросок «Когда в листах воспоминанья...».⁷¹ Нарисовав под ним, внизу страницы, росчерк-птицу, Пушкин тогда же, по всей видимости, зачеркнул исходный стих на л. 37 об., после чего, должно быть, в работе опять произошёл перерыв. Вернувшись к поэме, Пушкин стал, вероятно, просматривать последние относящиеся к ней записи и вносить в них изменения, делая «прикидочные», отрывочные заметки на чистом месте в середине страницы, под строкою «Растопчет мой безвестный прах», и пользуясь тем пером, которое было у него в употреблении до смены на слово «Родился». Нижние записи вышли на уровень этого глагола и легли с ним в одну строку, под которой теперь была проведена завершающая черта, отделившая поэму от наброска.

В творческой истории «Кавказского пленника» наступает важный момент. Перевернув л. 39, Пушкин записал на обороте новый план, который несколькими пунктами отличался от предыдущего (л. 24 об.) и по которому создавался первый беловой автограф (ПД 831, л.1–18), точно ему следующий. Ко времени составления этого плана три его последних пункта («Набег», «Ночь», «Побег») не были написаны в черновике, и на то, что их предстояло еще осуществить, указывала, возмож-

⁷⁰ См. выше, с. 150.

⁷¹ В новом академическом издании эти стихи напечатаны в качестве «наброска начала поздней редакции» стихотворения «Когда погаснут дни мечтанья...» (ср. выше сн. 64) со странными, никак не мотивированными отступлениями от текста автографа:

Когда в мечтах воспоминанья
Увидишь ты мои черты...

(см.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб.: Наука, 1999. Т.1. С.406, 761).

но, маленькая косая черточка слева между пунктами «Тайна —» и «Набег». Примечательно, что и в первом плане остались незачеркнутыми два последних пункта: «Нападение —» и «Побег» (л. 24 об.).

Обдумывание окончательного плана без каких-либо изменений в уже имевшемся черновом тексте можно истолковать как признак того, что даже не закончив находившегося в работе эпизода и еще три пока лишь предполагая написать, Пушкин тем не менее почувствовал себя готовым приступить к перебеливанию своего главного произведения, над которым трудился уже несколько месяцев. В голове оно уже полностью сложилось, большая его часть была готова к следующей стадии, досочинить осталось лишь конец (правда, в беловом автографе это составило около 150 строк или несколько более 20%), а в том, что это будет выполнено, существовала, конечно, полная уверенность. Более чем вероятно, что именно подобные настроения и это состояние дел отразила фраза в письме Пушкина к Н. И. Гнедичу от 4 декабря 1820 г. из Каменки: «Покаместь у меня еще поэма готова или почти готова» (Акад. XIII, 21). Вряд ли эти слова могли быть написаны ранее того, как оформился, хотя бы мысленно, окончательный план, особенно на том этапе, когда текст продвигался вперед с немалыми заминками, остановками, через множество пробных фрагментарных набросков, к которым поэт возвращался вновь и вновь, но, не находя нужного ему варианта, шел далее. Такой характер носит текст на л. 32 об.–39, которые, как предположено выше, заполнялись в Каменке, и он мог, кажется, в большой степени определяться времяпровождением Пушкина в первые две недели пребывания в имении Давыдовых, когда там было много гостей. «Время мое протекает между аристократическими обедами и демагогическими спорами, — сообщал он в том же письме Гнедичу. — Общество наше, теперь рассеянное,⁷² было недавно разнообразная и веселая смесь умов оригинальных, людей известных в нашей России, любопытных для незнакомого наблюдателя — Женщин мало, много шампан-

⁷² О разъезде гостей из Каменки см.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 1. С. 224.

ского, много острых слов, много книг, немного стихов» (Акад. XIII, 20). Последние слова можно с полным правом соотносить с л. 32 об.–39, так как если исключить многочисленные повторения, возникавшие в поисках вариантов и в каждом случае брать в счет только один из всех испробованных поэтом, то новых стихов здесь было написано приблизительно 115, среди которых к тому же немало с «пустотами».

Итак, есть веские основания датировать заполнение л. 32 об.–39 (включая план на обороте) второй половиной ноября — самыми первыми числами декабря 1820 г.⁷³

Возвращаться в Кишинев Пушкин намеревался с М. Ф. Орловым, но сильно простудился и был вынужден задержаться в Каменке. Орлов уехал без него между 1 и 10 декабря, а он, как явствует из письма А. Л. Давыдова к И. Н. Инзову, продолжал болеть 15 декабря и какое-то время позже этой даты.⁷⁴ Вполне вероятно, что в этот период работа над поэмою остановилась, и действительно, следующие за планом три с половиною страницы содержат записи, никак с нею не связанные (ранее столь продолжительного перерыва в тетради не было).

В это время, как и в феврале 1818 г., когда Пушкин «занемог гнилою горячкою» (Акад. XII, 305), он читал карамзинскую «Историю Государства Российского». Дойдя в третьей главе первого тома до раздела «Имена месяцев», он все их выписал столбиком на нижней половине страницы под планом (л. 39 об.).⁷⁵ На обеих сторонах вырванного позднее л. 39а на-

⁷³ К тому же выводу, но на иных основаниях, пришел С. М. Бонди. С. Д. Селиванова пишет: «Интересно, что вся эта часть черновика и по характеру почерка и по типу чернил напоминает некоторые страницы беловика „Кавказского пленника“ (в „Первой кишиневской тетради“), над которыми поэт работал в Каменке. Это наблюдение С. М. Бонди позволяет с известной долей вероятности датировать данный этап работы 20-ми числами ноября — началом декабря (в это время Пушкин находился в Каменке)» (Селиванова С. Д. Указ. соч. С. 40).

⁷⁴ См.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 1. С. 224 – 225; [Смирнов И. А.]. Дело о Пушкине (1820). Одесса, 1899. С. 9.

⁷⁵ «Историю» Пушкин читал последовательно, а не вразброс. Об этом говорит то обстоятельство, что следующая запись, ею навеянная (план трагедии «Вадим»), находится на л. 43 и соотносится с началом четвертой главы, где говорится о новгородском старейшине Гостомысле, убившем славян при-

ходилась пространный запись на французском языке, о содержании которой можно смутно догадываться лишь по сохранившемуся на корешке обрывку слова «эллефер<ия>» (слова «théâtre» и «mort» на обороте корешка не вносят никакой ясности). На лицевой стороне следующего листа записаны четыре анекдота (три по-французски, один по-русски), относимые в современных изданиях к мемуарному жанру «разговоров».⁷⁶ Присутствие этих миниатюр в тетради свидетельствует о том, что уже в молодые годы Пушкин сознавал ценность анекдота как исторического документа⁷⁷ и считал для себя обязательным их запоминать, собирать и сохранять. Время, свободное от сочинения стихов, оказалось, видимо, удобным, чтобы заносить на бумагу свои наблюдения этого рода, причем выполнено это было по крайней мере в два приема (три анекдота и один).

Лишь после этого на л. 40 об. возобновляется «Кавказский пленник» и продолжается на пяти страницах (последняя — л. 42 об.). На двух первых разрабатывается очередная в плане пункт «Набег», но переход к нему от предыдущего

гласить варягов, и о мятежном Вадиме Храбром, павшем от руки Рюрика. Правда, на л. 50 Пушкин возвратился к предваряющей «Историю» главке «Об источниках Российской истории до XVII века» и выписал из третьего подстрочного примечания к ней сведения о вымышленных древнерусских князьях; но обращение к этому конспективному изложению «сказок», сочиненных «мнимым древнейшим Летописцем Иоакимом», могло быть подсказано чтением пространный примечания 70 в конце первого тома. Другая запись на той же странице тетради связана уже с разделом «Путешествие Даниила» шестой главы второго тома. Таким образом, налицо последовательное движение по страницам «Истории». Начав читать в Каменке, Пушкин мог продолжать, разумеется, в другом месте; однако нельзя исключить вероятности того, что и второй том побывал в его руках в имени Давыдовых и что там заполнялся л. 50.

⁷⁶ Пушкин А. С. Дневники; Записки / Изд. подгот. Я. Л. Левкович. СПб., 1995. С. 103.

⁷⁷ Об отношении Пушкина к анекдоту в более поздние годы см.: Новонайденный автограф Пушкина: Заметки на рукописи книги П. А. Вяземского «Биографические и литературные заметки о Денисе Ивановиче Фонвизине» / Подгот. текста, ст. и коммент. В. Э. Вацура и М. И. Гиллельсона. М.; Л., 1968. С. 72; Левкович Я. Л. Автобиографическая проза и письма Пушкина. Л., 1988. С. 193–210.

го не намечен. Сначала возникают черновые наброски (л. 40 об.), из которых первые четыре стиха («Задумчивый, воссев у берега ~ Быстра глубокая река» — Акад. IV, 334) написаны отчетливо, с правкою лишь во второй строке, а ниже идет обычный многослойный черновик («Однажды слышит ~ Уздень воззвал Они» — Акад. IV, 334–335). Верхнюю половину параллельной страницы (л. 41) занимает продолжение первого из этих фрагментов («Мелькнет ли серна меж горами ~ В пустыню темную бежит —» — Акад. IV, 335), причем оно имеет вид перебеленного текста, который в предыдущем варианте был написан где-то в другом месте. На нижней половине страницы перебелен второй фрагмент («Однажды слышит — Руской пленный ~ И поскакали [меж холмов]» — Акад. IV, 335). С последней строки текст опять становится черновым и в таком виде переходит на оборот («Замолкли все ~ Они летят толпою бранной» — Акад. IV, 335). Как и в первом черновике, это окончание упорно не складывалось, и, оставив его недоработанным, Пушкин приступил к следующему пункту — «Ночь».

Однако описание вечера (ночи) в горах и погрузившегося в тишину аула уже дважды фигурировало в поэме: в самом начале (л. 11 и новая редакция на л. 28; Акад. IV, 288–289, 316)⁷⁸ и в эпизоде, когда черкешенка пробирается в темноте к пленнику, чтобы дать ему напиток (л. 17 об.–18; Акад. IV, 299–300). Первое из них оказалось к этому времени ненужным на прежнем месте, так как по новому плану поэма должна была начаться строкою о черкесах, сидящих в косматых шапках на своих порогах (л. 11 об.; Акад. IV, 289; ср. первый беловой автограф — ПД 831, л. 3). Пушкин вспомнил о нем и начал его переносить с л. 28, изменяя, а также по своему обычаю обозначая некоторые строки сокращенно лишь первым словом или даже первыми его буквами («Померкло небо. Степь <уснула> ~ Ум<олкнул поздний крик орлов>» — Акад. IV, 336). По ходу дела направление мысли поэта изменилось, и со спящего ночного аула она переключилась на картину черкесского селения, затихшего под солнцем после отъезда в набег всех мужчин. Над этим

⁷⁸ См. выше, с. 132, 143.

описанием Пушкин бился на двух с половиною страницах («Утих аул. На солнце спят ~ Всё спит!...» — л. 41 об.–42 об.; Акад. IV, 336 – 337); им-то и кончил он систематическую, последовательную работу в тетради над черновым текстом «Кавказского пленника», хотя и не были еще выполнены пункты «Ночь» и «Побег». Дальнейшие в ней записи, относящиеся к поэме, немногочисленны и разрозненны (л. 62 об.–63, 64 об., 8 об.), они были сделаны, очевидно, уже тогда, когда Пушкин писал в тетради ПД 831 беловой текст, чем, по всей видимости, он и занялся, оставив на л. 42 об. черновик не доведенным до конца.

Датировать этот момент, а следовательно, и л. 40–42 об. можно лишь неопределенно декабрем (предпочтительно второй половиной) 1820 – первой половиной января 1821 гг.⁷⁹

В составленном Пушкиным списке произведений, написанных в 1821 и 1822 гг., первым в столбце «1821» значился «Конец Кавказского пленника» (ПД 831, л. 53),⁸⁰ что допускает разные толкования, а именно:

— все написанное после составления последнего плана (пункты «Набег», «Ночь», «Побег»), начиная с л. 40 об. – 42 об.;

— только те заключительные стихи (пункты «Ночь», «Побег»), которые были сочинены уже после того, как на л. 42 об. оборвалась систематическая работа над черновым текстом;

— вообще окончание работы над поэмою, имея в виду создание белового текста в тетради ПД 831.

Не вносит ясности и дата, указанная в первом анекдоте на л. 40: «O<rlf> disoit en 1820...» (O<рлов> говорил в 1820 году — *фр.*).

⁷⁹ Мнение Бонди: «Можно думать, что к декабрю <...> следует отнести <...> черновик. В декабре и, может быть, в январе были написаны не вошедшие в „Записную книжку“ куски текста поэмы, и тогда же Пушкин начал переписывать ее» (*Селиванова С. Д. Указ. соч. С. 66; ср. Акад. IV, 468*) В «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина» (Т. 1. С. 226) начало работы в ПД 831 датировано. «Декабрь (?)», однако приведенная в обоснование ссылка на В. Е. Якушкина недостоверна, так как в его описании тетради на указанных страницах об этом ничего не сказано.

⁸⁰ См.: Лит. наследство. М., 1934. Т.16/18. С. 299; Рукою Пушкина. С. 274 (публ. М. А. Цявловского).

На первый взгляд подобная фраза могла быть написана только уже в 1821 г.,⁸¹ из чего бы следовало, что тогда же заполнялись и дальнейшие страницы. Однако все четыре анекдота отличаются изящной, законченной литературной отделкой; они сразу приведены к форме, готовой для публикации, которая сколько-нибудь конкретно еще не задумывалась, но безусловно предполагалась где-то в далеком будущем. В такой записи указать год, когда состоялся разговор, было естественно и в том случае, если даже он записывался по свежим следам в декабре 1820 г. Во всяком случае, именно так поступил Пушкин десятью годами позже. Загатавливая болдинской осенью «опровержения», предназначавшиеся для публикации в «Литературной газете» в начале 1831 г., он писал загодя о текущем годе как уже миновавшем: «Каково же было нам, Де<львику> и мне, в прошлом 1830 году в первой книжке важного В.<естника> Е.<вропы> найти следующую шутку...» (Акад. XI, 150).⁸² Что было сделано в 1830 г., могло иметь прецедент, и этот пример, без сомнения, придает убедительность датировке записи анекдота «О<рлов> говорил в 1820 году...» декабрем того самого года, однако ни в коем случае не делает ее окончательной или бесспорной.

Нарисованные на л. 42 женский профиль (чернилами) и фигура женщины с распущенными волосами (карандашом) определены, с разной степенью уверенности, как портретные зарисовки Калипсо Полихрони.⁸³ Между тем стихи, находящиеся на этой странице, («<пропуск> их прадеды седые ~ они» — Акад. IV, 336), написаны поверх карандашного рисунка, который, таким образом, им предшествовал и потому никак не мог изображать Полихрони, с кем знакомство Пушки-

⁸¹ Я. Л. Левкович датировала все четыре анекдота «началом 1821 г. по положению в тетради» (*Пушкин А С Дневники; Записки*. С. 297). Т. Г. Цявловская-Зенгер определила чрезмерно широкие границы датировки: 1821 – 1823 гг. (Акад. XII, 470).

⁸² См.: *Краснобродько Т. И. Болдинские полемические заметки Пушкина: (Из наблюдений над рукописями) // Пушкин: Исследования и материалы*. Л., 1991. Т. 14. С. 175.

⁸³ См.: *Жуйкова Р. Г. Портретные рисунки Пушкина: Каталог атрибуций*. № 615; Раб. тетр. С. 53.

на началось лишь в июне 1821 г.⁸⁴ Согласиться с предложенной идентификацией чернильного профиля не позволяет ее вопиющее нарушение хронологии заполнения тетради. Получается, что по неизвестной причине через несколько месяцев после того, как стихи с этой страницы уже нашли свое место в беловике «Кавказского пленника», Пушкин ее открыл только для того, чтобы выполнить небольшой рисунок, причем не в свободном от записей левом нижнем углу или на левом поле, а в исчерканном карандашом месте. Разумеется, все могло произойти именно так по чистой случайности, без каких-либо рациональных намерений и потому не имеет никакого объяснения. Тем не менее это очень маловероятно, и потому гипотеза, согласно которой женский профиль является портретом Полихрони, вызывает сильное сомнение.

С переносом работы над поэмой в так называемую первую кишиневскую тетрадь (ПД 831) записная книжка ПД 830 продолжала служить Пушкину для разновременных творческих записей 1821–1823 гг. Этот период ее заполнения (л. 43–60) составляет предмет отдельного анализа.

⁸⁴ См.: *Черейский Л. А. Пушкин и его окружение*. 2-е изд., доп. и перераб. Л., 1988. С. 340; *Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина*. Т. 1. С. 250.